

Малоярославецкий уезд в конце XV–XVIII в.: Историко-географическое исследование

Лада Митрошенкова

Лада Митрошенкова

**Малоярославецкий уезд в
конце XV–XVIII в.: Историко-
географическое исследование**

«Автор»

2023

Митрошенкова Л. В.

Малоярославецкий уезд в конце XV–XVIII в.: Историко-географическое исследование / Л. В. Митрошенкова — «Автор», 2023

В книге рассматриваются проблемы формирования и изменения внешних и внутренних границ Малоярославецкого уезда с конца XV до конца XVIII в. Особое внимание уделяется изучению истории освоения, хозяйственного развития и динамики населения отдельных волостей и станов уезда. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и расширением города Малоярославца в указанный период. Текст сопровождается авторскими реконструкциями карт-схем земель уезда и города Ярославца Малорого в XV–XVIII вв., сводными таблицами, а также архивными картографическими источниками. Книга предназначена для всех, интересующихся исторической географией России данного периода. Основой книги является текст исследования, успешно завершено в 2003 г. защитой диссертации на соискание степени кандидата исторических наук.

© Митрошенкова Л. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ЯРОСЛАВЕЦКИЙ УЕЗД В КОНЦЕ XV в.	26
§ 1. История формирования Ярославского уезда	26
§ 2. Ярославский уезд по духовной грамоте Михаила Андреевича верейско-белозерского	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лада Митрошенкова

Малоярославецкий уезд в конце XV–XVIII в.: Историко-географическое исследование

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В последнее время в обществе значительно вырос интерес к краеведению. Возрождается региональное самосознание, и с каждым годом все больше появляется исследований краеведческой тематики. По истории локальных территорий в период средних веков и раннего нового времени источников сохранилось не много, в связи с чем исследователи часто ограничиваются высказыванием предположений или пересказом уже выдвинутых когда-то версий о времени возникновения и владельческой принадлежности в начальный период существования того или иного города, уезда, волости. Между тем, комплексное использование разного рода источников (археологических, картографических, актовых, материалов писцовых описаний) позволяет значительно повысить уровень извлекаемой из них информации. Совершенствование методики комплексного подхода к изучению ранней истории локальных территорий, таким образом, продолжает оставаться актуальной проблемой краеведения.

Другая важная проблема связана с выявлением причин, общих черт и закономерностей в процессах формирования отдельных территорий. Московское государство сложилось из множества различных по размеру, природным условиям, хозяйственному и культурному развитию уездов. До настоящего времени недостаточно изучены причины возникновения, формирования внешних границ и внутренней структуры этих административных единиц, существовавших почти без изменений до реформ петровского и екатерининского времени.

Необходимо отметить, что существует ряд работ, посвященных истории отдельных регионов и основанных на комплексном использовании источников. Так, история уездов Замосковского края в XVII в. достаточно полно изучена в фундаментальном исследовании Ю.В. Готье¹; северо-восточных земель Московского княжества в XIII–XVI вв. – в работах С.З. Чернова²; Коломенского уезда в XIV – первой половине XVI в. – в монографии А.Б. Мазурова³. В 2003 г. вышла монография А.А. Селина, посвященная исторической географии новгородской земли в XVI–XVII вв.⁴ История юго-западных земель Московского государства подобным образом до настоящего времени не изучалась. Исследование ранней истории Малоярославецкого уезда, таким образом, частично восполняет существующий пробел.

Широкие хронологические рамки исследования позволяют выявить общие тенденции и характерные черты развития административно-территориальной системы уезда, определить наиболее важные факторы, влияющие на данный процесс, оценить его значение и результаты.

¹ Готье Ю.В. Замосковский край в в. М., 1937.

² Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации // Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. М., 1998. Т. 1; Он же. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря: Историческая география землевладения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Он же. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта: по материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987; Он же. Укрепленные поселения XIII–XIV вв. северо-востока Московского княжества // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. (М., 3–5 дек. 1996 г.). М., 1996. С. 136–145 и др.

³ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой половине XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001.

⁴ Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Историко-географическое исследование Малоярославецкого уезда начинается временем его формирования (конец XV в.) и заканчивается временем его полной реорганизации в ходе Генерального межевания в последней четверти XVIII в. После реформ Екатерины II это был уже совсем другой уезд, включавший совсем другие территории, обладавший иной внутренней структурой.

Необходимо отметить, что на протяжении XV–XVIII вв. название города и, соответственно, уезда несколько раз менялось. В первом документе, упоминающем город, он назван Ярославлем⁵. Во второй половине XV в. в документах упоминается город Ярославец⁶ и его уезд, соответственно, назывался в то время Ярославецким. В духовной грамоте Ивана Грозного⁷ в названии города появляется слово Малой (или Малый). Уезд становится уездом Ярославца Малого. В XVIII в. в документах все чаще встречается написание названия города в одно слово – Малоярославец, а уезд начинают именовать Малоярославецким⁸. Но прежнее написание в два слова продолжает использоваться наряду с новым на протяжении почти всего XIX в. В данной работе в каждой главе, посвященной разным периодам жизни города и уезда, используются названия, принятые в документах описываемого времени.

Степень изученности проблемы. Литература, использованная в данном исследовании, весьма обширна, что объясняется широкими временными рамками, комплексным характером, использованием широкого круга исторических источников разных видов. Постараемся охарактеризовать исследования, наиболее близкие по тематике и методам.

Прежде всего, необходимо назвать работы, посвященные истории Малоярославца и его уезда. Первые из них принадлежат краеведам и были изданы в начале XX в. В статье, посвященной истории города, священник малоярославецкого Казанского собора Н.В. Кременский⁹ описал историю возникновения и владельческой принадлежности города Ярославца в ранний период, основываясь на версии, высказанной Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского»¹⁰. Опираясь на ту же версию, дополнив ее сведениями некоторых исторических источников, изложил раннюю историю города известный калужский исследователь В.А. Асонов¹¹. Его работа, посвященная, в основном, истории города Малоярославца в более поздний период, во многом явилась источником для других авторов¹². Небольшой очерк о городе Малоярославце в учебнике родиноведения, написанном для школ Калужской губернии В.М. Кашкаровым, следует общепринятой уже традиции¹³.

Особо стоит остановиться на истории Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря, написанной иеромонахом Леонидом Кавелиным¹⁴. Отец Леонид – автор ряда исторических описаний русских и зарубежных обителей, при подготовке каждой своей книги работал в монастырских библиотеках, изучал хранившиеся в них исторические документы. После ликвидации Николаевского монастыря в 1918 г. его ризница, библиотека и архив были разграблены и бесследно исчезли. Поэтому во многих отношениях текст книги Леонида Каве-

⁵ ДДГ. № 17. С. 46.

⁶ АСЭИ. Т. 1. № 352. С. 258–259.

⁷ ДДГ. № 104. С. 440–441.

⁸ См. напр.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1765. Л. 1.

⁹ Кременский Н.В. Город Малоярославец Калужской губернии // Калужская старина. Калуга, 1911. Т. 6. Ч. 4. С. 1–25.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти томах. М., 1993. Т. . С. 113.

¹¹ Асонов В. Малоярославец и Малоярославецкие юбилейные торжества 1912 года. Калуга, 1914. С. 2.

¹² См. напр.: Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С. 177.

¹³ Кашкаров В.М. Калужская губерния. Курс родиноведения: Учеб. пос. для городских училищ, двухклассных сельских и средних учебных заведений. Калуга, 1908.

¹⁴ Иеромонах Леонид Кавелин. Историческое описание Малоярославецкого Николаевского общежительного монастыря. М., 1903

лина является источником по истории монастыря, а в некоторой степени – и города Малоярославца.

В XX в. краеведческую традицию изучения истории Малоярославецкого края продолжили учитель городской школы, краевед, создатель успешно действующего поныне Музея 1812 года А.Е. Дмитриев и журналист местной газеты В.Б. Беспалов¹⁵. Их книга о Малоярославце, написанная живым образным языком, с привлечением более широкого круга источников, чем у предыдущих авторов, не потеряла своего значения и пользуется заслуженным интересом у нынешнего поколения малоярославчан.

Историю возникновения и владельческой принадлежности города Малоярославца в ранний период на основании данных комплекса духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. кратко излагал в своем диссертационном исследовании кандидат исторических наук С.В. Поздняков¹⁶. Несколько шире коснулся он этой темы в статье, написанной для сборника по истории города¹⁷. С.В. Поздняков стал продолжателем традиций, заложенных краеведами начала XX в. Именно благодаря его инициативе в городе Малоярославце в 2000 г., в преддверии празднования 600-летия города, возник краеведческий музей. Другим важным событием, связанным с подготовкой к этой дате, была организованная Союзом краеведов России совместно с кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ и Малоярославецким военно-историческим музеем 1812 года первая научная конференция, посвященная истории Малоярославца и соседних регионов. Многие статьи, помещенные в сборнике материалов этой конференции¹⁸, явились значительным вкладом в изучение его истории. Прежде всего, это статья С.М. Каштанова, где впервые научно обоснована известная версия об основании города Ярославца серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым и предложена новая датировка его духовной грамоты¹⁹. В том же сборнике помещена статья Г.И. Королева, в которой прослеживаются судьбы посадских родов Малоярославца в первой половине XVII в.²⁰ Обе работы имеют непосредственное отношение к теме данного исследования.

Вся совокупность использованных нами историко-географических исследований может быть разделена на группы, в которые входят работы, посвященные:

- истории географии и картографии в России;
- географии России в разные временные периоды (и методике ее изучения);
- истории межевых и писцовых описаний;
- географии народонаселения;
- географии населенных пунктов;
- топографии городов.

К группе работ по истории географии в России относятся монографии Д.М. Лебедева, раскрывающие процесс развития географических знаний в России с XV и до конца XVIII в.²¹ Автором изучен и описан процесс развития географических знаний в Русском государстве, выявлены взаимосвязи между развитием общества и государства и изменениями в отношении к точности проведения внешних и внутренних границ, к верному определению направле-

¹⁵ Беспалов В., Дмитриев А. Малоярославец. Калуга, 1962.

¹⁶ Поздняков С.В. Поместное и вотчинное землевладение в Малоярославецком уезде (в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 15–18.

¹⁷ Поздняков С.В. Малоярославец изначальный // Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 5–16.

¹⁸ Малоярославец. Проблемы истории и возрождения: Материалы научной краеведческой конференции “Малые города Росси. Малоярославец – проблемы истории и возрождения” (6–7 окт. 2000 г.). Малоярославец, 2001.

¹⁹ Каштанов С.М. К вопросу о первом упоминании и времени основания Малоярославца // Там же. С. 23–31.

²⁰ Королев Г.И. Некоторые проблемы генеалогии посадских людей Малоярославца XVII в. // Там же. С. 54–60.

²¹ Лебедев Д.М. География в России XVII в. (до петровской эпохи). М.–Л., 1949; Он же. Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М., 1956; Он же. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957.

ний дорог и расстояний между населенными пунктами. В работах показано, как с изменением принципов налогообложения менялось отношение государства к проведению поземельного кадастра, а с развитием различных форм землевладения – отношение помещиков и вотчинников к четкому разграничению своих и соседних имений.

Истории русской картографии посвящено одно из исследований Б.А. Рыбакова²². На основе глубокого изучения широкого круга русских и европейских картографических источников автор приходит к выводу о давних традициях картографического искусства на Руси. Несмотря на то, что русские карты и планы времен раннего средневековья не дошли до наших дней, географические знания людей того времени были на довольно высоком уровне. Это подтверждается упоминанием чертежей и списков городов и дорог в Описи Царского архива.²³ То же доказывает и реконструкция русских источников известных европейских карт Руси, проведенная Б.А. Рыбаковым.

История русской картографии является темой исследований В.С. Кусова²⁴. Им изучено и описано значительное количество сохранившихся в архивах чертежей, относящихся к XVI–XVII вв.²⁵, определены их самые распространенные масштабы, проведена классификация по тематическому содержанию. На основании сохранившихся чертежей, данных писцовых описаний и картографических источников XVIII в. проведена реконструкция “Большой Москвы” на XVII в.

Работы Д.М. Лебедева, Б.А. Рыбакова, В.С. Кусова помогли понять представления средневекового человека о географии и его методы отображения пространства на картах и планах.

Для настоящего исследования большое значение имеют труды, рассматривающие географию России в различные исторические периоды.

Специальные работы В.Н. Дебольского и М.К. Любавского²⁶ по топографии волостей и населенных пунктов, упоминавшихся в духовных и договорных грамотах московских и удельных князей – вв., безусловно, являются значительным вкладом в развитие исторической географии. Однако произведенная ими локализация некоторых топонимов, принадлежавших позднему Ярославскому уезду, может быть уточнена на основе тщательного изучения данных топонимики и материалов писцового дела. В работе М.К. Любавского расположение некоторых волостей будущего Ярославского уезда (Заячкова, Гремичей и Гордошевичей) определено слишком широко: “между Нарой и Протвой”, по соседству с Серпуховскими волостями. Это не совсем точное определение. В.Н. Дебольский совершенно верно локализовал одну из волостей Ярославского уезда – волость Сушов (по течению речки Сушки), но не определил местонахождение других, основных, самых близких к городу (Гремичей и Гордошевичей).

Фундаментальное исследование Ю.В. Готье содержит ценные сведения по истории, географии и локализации волостей и станов уездов Замосковского края.²⁷ Ярославский уезд не включен в эту классическую работу, так как не входил в указанную территорию. Однако методы

²² Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI веков. М., 1974.

²³ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 47–48.

²⁴ Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989; Он же. Разработка и составление ретроспективной карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1992. Вып. 1. С. 36–38; Он же. Чертежи земли русской XVI–XVII вв. Каталог. М., 1993.

²⁵ Самый ранний из известных чертежей обнаружен и описан С.М. Каштановым в работе “Чертеж земельного участка XVI в.” (Труды МГИАИ. Т. 17. М., 1963. С. 429–436.)

²⁶ Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как исторический источник. ЗОРСА, СПб, 1903. Т. ; Любавский М.К. Образование основных государственных территорий великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

²⁷ Готье Ю.В. Указ. соч. См. также: Он же. Материалы к исторической географии Московской земли. Замосковные уезды и входившие в их состав станы и волости по писцовым и переписным книгам XVII столетия. М., 1906.

работы автора с материалами писцовых книг служили образцом и руководством для данного исследования.

Изучение исторической географии России было одним из направлений научной деятельности М.Н. Тихомирова²⁸. Изучая физическую, экономическую, политическую географию и географию народонаселения Русского государства вообще, М.Н. Тихомиров строил свои выводы на исследовании конкретного материала – истории отдельных земель. Одним из объектов исследования М.Н. Тихомирова стал древнейший географический справочник – “Список русских городов дальних и ближних”²⁹. В посвященной “Списку” работе предложена версия о том, что упоминаемый в нем город Луза соответствует городу Ярославлю духовной грамоты князя Владимира Андреевича Храброго³⁰. С этим предположением вряд ли можно согласиться, поскольку город Луза также упоминается в духовной грамоте Владимира Храброго, но как владение не сына Ярослава, а жены Елены.

Ценные наблюдения и методические приемы содержатся во многих работах С.М. Каштанова, где объектом изучения являются топонимы, упоминающиеся в различных исторических документах.³¹

Историческая топография Московского княжества и государства разрабатывается в трудах В.А. Кучкина³². Исследователем проделана огромная работа по локализации и уточнению истории (владельческой принадлежности в разные периоды) большинства известных по средневековым источникам волостей Московского княжества. На основе локализации располагавшихся на юго-западной его границе волостей будущего Ярославецкого, Боровского и других уездов выдвинута вполне убедительная версия о времени присоединения к Москве “бывших мест рязанских” по берегам рек Протвы и Нары³³. Но локализация волостей Ярославецкого уезда, приведенная в работах В.А. Кучкина, не достаточно точна.

Проблемами истории формирования территории Московского княжества занимается также К.А. Аверьянов.³⁴ Ему принадлежит оригинальная версия о времени и способе присоединения к Москве бывших рязанских земель, связанная с именем некоей княгини Анны, тетки Симеона Гордого. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук К.А. Аверьянова посвящено локализации волостей, указанных в духовной грамоте Ивана Калиты³⁵. В этой и некоторых других работах упоминаются и волости, составившие позднее Ярославецкий уезд. Однако их локализацией автор специально не занимался.

²⁸ См.: Тихомиров М.Н. Российское государство в XVI столетии. М., 1962; Он же. Древнерусские города. М., 1956; Он же. Россия в XVI столетии. М., 1962; Он же. Российское государство – вв. М., 1973.

²⁹ Тихомиров М.Н. “Список русских городов дальних и ближних” // ИЗ. М., 1952. Т.40. С. 214–259.

³⁰ Там же. С. 238–239.

³¹ См. напр.: Каштанов С.М. Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536–1537 гг. // *Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Северный археограф. сб.* Вологда, 1978. Вып. 6. С. 24–33; Он же. Чертеж земельного участка XVI в. // *Труды МГИАИ.* М., 1963. Т. 17. С. 429–436; Каштанов С.М., Хорунженко О.И. Грамоты из архива московского Архангельского собора // *АЕ* за 1997 г. М., 1998. С. 390–406 и др.

³² См. напр.: Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва.* М., 1980. С. 26–112; Он же. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в – вв. М., 1984; Он же. Последнее завещание Дмитрия Донского // *Средневековая Русь.* М., 2001. Вып. 3. С. 106–183; Он же. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. и др.

³³ Он же. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // *Исследования по истории России (до 1917 г.).* М., 1993. С. 4–11; Он же. Договор Калитовичей // *Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин.* М., 1984. С. 16–24; Он же. К датировке завещания Симеона Гордого // *ДГ.* М., 1989. С. 99–106; Он же. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 256.

³⁴ См. напр.: Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001; Он же. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994 и др.

³⁵ Аверьянов К.А. Формирование территории Московского княжества: Источниковедческий анализ духовных грамот Ивана Калиты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Необходимо отметить историко-географические работы известного археолога А.А. Юшко³⁶. Ее исследования построены на богатом археологическом материале, позволившем описать внешние границы, состав и степень заселенности “Московской земли” (в том числе и волостей, вошедших в XV в. в Ярославский уезд) в XII–XIV вв. В работах А.А. Юшко содержатся ценные для нашего исследования наблюдения, связанные с ранней историей города Ярославца. Так, исследовательница считает, что город Ярославль грамоты князя Владимира Андреевича Храброго не может соответствовать известному по более поздним документам Ярославцу, исходя из формулы, употребленной в самой грамоте: “Ярославль с Хотунью”. Такая формулировка означает, по ее мнению, близкое расположение этих пунктов³⁷. Однако для весомого обоснования этого вывода не были использованы в полной мере возможности источниковедческого анализа летописного и актового материала.

В рамках исторической политической географии изучается и административно-территориальное устройство той или иной страны. Вопросам административно-территориального деления Российского государства до конца XVIII в. посвящено значительное число работ. Постараемся охарактеризовать их в хронологическом порядке периодов, которым они посвящены.

Изучением истории создания единого русского государства занимались такие исследователи, как М.К. Любавский³⁸, А.Е. Пресняков³⁹, С.Б. Веселовский⁴⁰, Л.В. Черепнин⁴¹, А.А. Зимин⁴², В.Б. Кобрин⁴³, В.А. Кучкин⁴⁴, А.А. Горский⁴⁵, К.А. Аверьянов⁴⁶ и многие другие. Ими описаны общие процессы формирования единой территории Русского государства. Но ряд вопросов, связанных с проблемами присоединения конкретных земель (в частности – на юго-западе Московского княжества), остались за рамками этих исследований. В одной из статей С.М. Каштанова, посвященной русскому “уделу” как социально-политическому явлению, раскрыты правовые основы существования уделов и их практическая реализация в XIV–XVI вв.⁴⁷ В истории юридического оформления административно-территориальной структуры русского государства эта работа раскрывает его начальный этап.

Среди множества работ, посвященных истории присоединения к Москве отдельных княжеств, некоторые были весьма полезны для целей данного исследования. В монографии А.И. Копанева⁴⁸ об истории Белозерского княжества немало страниц посвящено одному из

³⁶ Юшко А.А. Историческая география Московской земли XII–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Она же. О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 282–284; Она же. Феодалное землевладение московской земли XIV в. М., 2002 и др.

³⁷ Юшко А.А. Московская земля – вв. М., 1991. С. 138.

³⁸ Любавский М.К. Указ. соч.

³⁹ Пресняков А.Е. Образование Великодержавного государства. Очерки по истории – столетий. Пг., 1918.

⁴⁰ Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. М., 1946. Т. 22. С. 101–131 и др.

⁴¹ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства – вв. М., 1960 и др.

⁴² Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982; Он же. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975; Он же. Удельные князья и их дворы во второй половине XV в. и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977.

⁴³ Кобрин В.Б. Землевладельческие права княжат в XV – первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // ИСССР. 1981. № 4. С. 33–49; Он же. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) М., 1985 и др.

⁴⁴ Кучкин В.А. Указ. соч. и др.

⁴⁵ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000 и др.

⁴⁶ Аверьянов К.А. Указ. соч.

⁴⁷ Каштанов С.М. Русский “удел” XIV–XVI вв. как социально-политическое явление. (Правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы: норма и действительность. Ранний и развитый феодализм: Чтения, посвящ. памяти ак. С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 25–27 окт. 1983 г. М., 1983. С. 46–51. См. также: Он же. Социально-политическая история России конца – первой половины в. М., 1967; Он же. Из истории последних уделов // Труды МГИАИ. 1957. Т. 10. С. 277–278.

⁴⁸ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.–Л. 1951. См. также: Копанев А.И. “О куплях”

последних самостоятельных владельцев белозерской земли – князю Михаилу Андреевичу Верейскому и истории потери им белозерской части своего удела.

Исследование А.Б. Мазурова о Коломне в XIV–XVI вв.⁴⁹ не только является примером комплексного изучения на основе разнообразного круга источников истории локальной территории, но и содержит ряд полезных наблюдений, помогающих извлечь максимум информации из имеющегося круга источников по нашей проблеме. Так, при изучении порядка перечисления в писцовых книгах волостей и станов Коломенского уезда, исследователь пришел к выводу, что он не мог быть случайным и обуславливался природными условиями описываемой местности. Кроме того, выводы о времени и способе присоединения Коломенского уезда (бывшей рязанской территории) к Москве, помогают более отчетливо представить картину присоединения и соседних, тоже бывших рязанских земель, составивших позднее Ярославский уезд.

О присоединении к Москве в начале XIV в. территорий бывшего Можайского княжества речь идет в статьях В.В. Бочкарева⁵⁰ и А.А. Горского⁵¹. По отношению к Ярославским землям Можайские волости (к которым в качестве “отъездных” они были приписаны при Дмитрии Донском) располагаются к западу, в то время как Коломенские – к востоку. Таким образом, изучение истории Ярославских земель позволяет довольно полно представить картину присоединения и освоения Москвой широкой полосы стратегически важных и плодородных территорий к юго-западу, югу и юго-востоку от нее.

История освоения и развития феодального землевладения в Волоке Ламском детально описаны в специальной монографии С.З. Чернова. Ученый детально разработал методику комплексного использования картографических, актовых и археологических источников для реконструкции структур феодального землевладения в рамках локальной территории на протяжении нескольких столетий.⁵² Подобным образом в настоящем исследовании используются те же виды источников для реконструкции административно-территориальной структуры Малоярославецкого уезда.

Административно-территориальная система Московского царства изучена не достаточно подробно, хотя литература по этой теме имеется. Прежде всего, до настоящего времени не потеряла своего значения работа А.Д. Градовского об истории формирования и функционирования как отдельной территориальной единицы уезда в Московском государстве⁵³.

Принципы функционирования местной власти в конце XV – первой половине XVI в. изучали А.А. Зимин⁵⁴, С.М. Каштанов⁵⁵, а также другие авторы⁵⁶. Исследователями описан круг полномочий представителей местной администрации в деле землеописаний и межеваний внутри уезда в первой половине XVI в., разграничение обязанностей центральной и местной

Ивана Калиты // ИЗ. М., 1946. Т. 20. С. 24–37.

⁴⁹ Мазуров А.Б. Указ. соч.

⁵⁰ Бочкарев В.В. О границах можайского княжества в конце XIII–XIV в. (опыт сравнительного анализа княжеских духовных грамот) // Вестн. мос. ун-та. М., 2000. Сер. 8. История. № 3. С. 89–98.

⁵¹ Горский А.А. О времени присоединения Можайска к Московскому княжеству // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. М., 1993.

⁵² Чернов С.З. Указ. соч.

⁵³ Градовский А.Д. Уезд Московского государства // Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. II. С. 361–472.

⁵⁴ Зимин А.А. Наместническое управление в русском государстве второй половины XV–первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 270–295; Он же. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 г. М., 1966.

⁵⁵ Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // ИСССР. 1959. № 6. С. 134–148; Он же. О типе русского государства в XIV–XVI вв. // Чтения памяти В.Б. Кобрин: Тез. докл. и сообщ. Москва, 26–29 января 1992 г. М., 1992. С. 85–92.

⁵⁶ См. напр.: Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. М., 2000.

властей, их взаимодействие. В монографии Н.Е. Носова основное внимание уделено институту городских приказчиков.⁵⁷

В данном исследовании использованы работы, посвященные политике правительства Ивана Грозного в отношении поместного и вотчинного землевладения. Попытка создания в середине XVI в. поземельного кадастра для упорядочения системы земельных отношений служилого сословия⁵⁸ затронула и уезд Малого Ярославца. Выделение опричных земель повлекло за собой изменения в составе землевладельцев и в структуре землевладения на их территории⁵⁹. Об испомещениях опричников на территории Малоярославецкого уезда подробные сведения содержатся в исследованиях А.П. Павлова⁶⁰.

Организации местной власти и ее полномочиям (в том числе в отношении межевания земель и их описания) после окончания Смуты и утверждения на престоле новой династии посвящена монография Б.Н. Чичерина.⁶¹ Частично вопросы административно-территориального устройства государства в этот период освещены в монографии Ю.В. Готье⁶². В работе Я.Е. Водарского, посвященной изучению народонаселения страны в этот период, уточнено число уездов в Русском государстве в конце XVII – начале XVIII в., описана их структура⁶³. Все авторы отмечают преемственность уездов XVI–XVII вв. от прежних уделов, однако расходятся при этом в оценке степени самостоятельности местной власти в принятии тех или иных решений, а также указывают на необходимость изучения этих и других проблем на основе подробного анализа местного материала.

Работы, посвященные реформам Петра I в области административно-территориального деления государства, раскрывают причины, ход и, в общих чертах, результаты предпринятых преобразований.⁶⁴ Не потерявшие своего значения и в наше время монографии П.Н. Милюкова⁶⁵ и М.М. Богословского⁶⁶ обобщают значительный материал по большинству губерний Российской империи, но не дают возможности представить, что же конкретно менялось в структуре или статусе отдельного уезда в ходе реформ. То же можно сказать о работе Ю.В. Готье⁶⁷, посвященной не только реформам Петра, но и их судьбе при преемниках великого императора.

Реформы Екатерины Великой также являются предметом очень большого числа исследований⁶⁸. Однако именно истории Генерального межевания посвящено не так много работ. И.Е. Герман еще в начале XX в. опубликовал монографию «Материалы к истории Генерального

⁵⁷ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.–Л., 1957.

⁵⁸ Об этом см. напр.: Бородин А.В. Уложение о службе 1556 года // Сб. статей по русской истории, посвящ. С.Ф. Платонову. Пг., 1922.

⁵⁹ См. об этом: Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. // ВИ, 1946. № 1. С. 86–104; Зимин А.А. Опричина. М., 2001; Он же. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Каштанов С.М. К изучению опричины Ивана Грозного // ИСССР. 1963. № 2. С. 116–117; Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960; Скрынников Р.Г. Земельная политика опричины // ДГ. 1987. М., 1989. С. 137–144; Он же. Царство террора. СПб., 1992 и др.

⁶⁰ Павлов А.П. Земельные переселения в годы опричины (к вопросу о практической реализации указа об опричине 1565 г.) // ИСССР. 1990. № 5. С. 89–104; Он же. Политика государства и мобилизация поместного и вотчинного землевладения в годы опричины (к вопросу о практической реализации указа об опричине) // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). М., 1998. Ч. 2. С. 222–231.

⁶¹ Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII в. М., 1890.

⁶² Готье Ю.В. Замосковский край в в. ...

⁶³ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.

⁶⁴ Обзор новейшей историографии проблемы см.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа). М., 2001. С. 59–80.

⁶⁵ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России (в первой четверти XVIII столетия) и реформы Петра Великого. М., 1892.

⁶⁶ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902.

⁶⁷ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.–Л., 1941.

⁶⁸ Обзор новейшей историографии проблемы см.: Каменский А.Б. Указ. соч. С. 315–330.

межевания в России»⁶⁹, которая содержит много конкретного материала, но не претендует на глубокий анализ процесса и его результатов. В исследовании С.Д. Рудина⁷⁰ прослежена последовательность появления различных законодательных актов, касающихся Генерального межевания. Однако конкретный ход межевых работ, реализация принимаемых правительством законов о порядке межевания на местах не изучены, несмотря на значительное количество сохранившихся источников.

История писцовых описаний, техника их проведения подробно изложены в фундаментальной монографии С.Б. Веселовского о сошном письме⁷¹. Смысл земельных описаний как инструмента финансово-политической централизации государства в конце XV – середине XVI в. раскрыт в труде С.М. Каштанова о финансовой политике русского государства в средние века.⁷² Причины, ход и результаты писцовых описаний конца XVII – начала XVIII в. изложены в работе Я.Е. Водарского.⁷³ Тем не менее, конкретные детали хода писцовых работ на отдельных территориях известны мало и могут уточнить и дополнить данные этих исследований.

Активизация межевого дела в стране вызвала интерес к его истории еще в XIX в. Этим объясняется появление весьма качественных для своего времени исследований П.И. Иванова и К.А. Невוליной⁷⁴. Авторами не просто обобщены исторические факты, почерпнутые в основном из законодательных актов. Прделана большая работа по анализу текстов различных указов и наказов, что позволило им прийти к выводам относительно наличия тесной взаимосвязи между интересами фиска и постановкой переписного дела в стране в различные периоды ее истории. Выявлены тенденции развития межевого законодательства (от обычного права владения до четкого и подробного оформления границ землевладений), взаимосвязи между развитием государственной власти и ее отношением к четкости внешних границ и к внутреннему административно-территориальному делению.

В написанных в конце XIX в. работах И.Е. Германа⁷⁵ история законодательных актов относительно межевания земель прослежена на более значительном материале, им использован гораздо более широкий круг источников, чем в предыдущих работах. Исследователем детально изучены тексты межевых наказов, что позволило ему более наглядно представить технику межевого дела в разные периоды. Кроме того, исследования этого историка лишены того налета апологетики по отношению к правящей династии, который присущ работам выше-названных авторов.

Изучением истории народонаселения России историки активно занимались и в XIX, и в XX вв.⁷⁶ В рамках данного исследования использованы работы М.В. Клочкова, Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана, в которых рассматривается динамика роста численности населения и его миграции по отдельным регионам страны, в том числе, в центральной части государства.⁷⁷ Особый интерес представляет статья С.М. Каштанова о численности русского войска (а значит – и землевладельцев) в XVI в. и о численности населения страны в целом⁷⁸. Общие работы по

⁶⁹ Герман И.Е. Материалы к истории генерального межевания в России. М., 1911.

⁷⁰ Рудин С.Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части России за 150 лет. Пг., 1915.

⁷¹ Веселовский С.Б. Сошное письмо. СПб., 1915, 1916. Т. 1, 2.

⁷² Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

⁷³ Водарский Я.Е. Указ. соч.

⁷⁴ Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель России. М., 1846; Неволин К.А. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II // Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. 6. С. 429–518.

⁷⁵ Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания. М., 1893; Он же. История русского межевания. М., 1914.

⁷⁶ Подробную историографию этой проблемы см. в предисловиях к работам Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана.

⁷⁷ Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. Т. I; Водарский Я.Е. Указ. соч.; Он же. Население России за 400 лет. М., 1973; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971; Он же. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963.

⁷⁸ Каштанов С.М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мыш-

развитию народонаселения России позволяют понять процессы, происходившие на территории отдельного уезда страны. С другой стороны, изучение динамики численности населения в одном уезде на протяжении значительного периода времени помогает уточнить и насытить фактами общие выводы ученых.

В данной работе использовались исследования, посвященные проблемам образования и развития русских городов в эпоху феодализма. При довольно существенной разнице во взглядах на то, какое поселение в раннем средневековье может быть названо городом таких авторов, как Н.Д. Чечулин⁷⁹, П.П. Смирнов⁸⁰, М.Н. Тихомиров⁸¹, Я.Е. Водарский⁸² и др., для XVI–XVII вв. основные характеристики городского поселения споров уже не вызывают. Город в этот период был центром округа, местом расположения администрации, в нем проживало посадское население, занятое торговлей и ремеслами. Другие черты, такие как наличие в нем крепости с гарнизоном, в это время уже не являются обязательными атрибутами города. Названные работы помогли определить общие черты и выявить особенности развития города Ярославца Малого в XVI–XVII вв.

Изучая историческую топографию города Ярославца Малого, необходимо было ознакомиться с литературой по русскому градостроительству. В работах Л.М. Тверского⁸³, Г.В. Алферовой⁸⁴, И.А. Бондаренко⁸⁵ раскрывается постоянное сочетание традиционности и творческого начала при выборе места для основания города и строительства в нем храмов, укреплений и посадов. Для составления плана-реконструкции города Ярославца Малого были использованы методические рекомендации, содержащиеся в статье Д.Я. Вортман⁸⁶.

Важнейшее значение для целей настоящего исследования имело определение методики локализации изучаемых территорий и составления карт-реконструкций. Такая методика была использована С.Б. Веселовским при составлении исторической карты Подмосковья.⁸⁷ Подробно она описана в исследованиях М.В. Витова⁸⁸ и Я.Е. Водарского⁸⁹. Эту методику использовал в своих работах С.М. Каштанов⁹⁰. С.З. Чернов на ее основе изучает историческую

ления: Проблемы отечественной истории феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщ. М., 27 янв.–1 фев. 1991 г. М., 1991. С. 112–115.

⁷⁹ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.

⁸⁰ Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Формы землевладения. Киев, 1917. Т.1. Вып. 1.

⁸¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

⁸² Водарский Я.Е. Проблемы сущности, времени и места основания городов // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. (М., 3–5 дек. 1996 г.). М., 1996. С. 57–59; Он же. Русский город в эпоху феодализма (К проблеме горообразования) // Феодализм в России. М., 1987; Он же. Города и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974.

⁸³ Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVI в. М.–Л., 1953.

⁸⁴ Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. М., 1989.

⁸⁵ Бондаренко И.А. Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы. М., 2001.

⁸⁶ Вортман Д.Я. Отображение пространственно-функционального развития старинных городов на картах-реконструкциях // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. (М., 3–5 дек. 1996 г.). М., 1996. С. 38–44.

⁸⁷ Веселовский С.Б., Перцов В.Н. Исторические карты Подмосковья. (История сел и деревень Подмосковья – вв. Вып. 4.). М., 1993.

⁸⁸ Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (На примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т.5. С. 231–264; Он же. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.

⁸⁹ Водарский Я.Е. Карты второй половины XVIII в. как источник для реконструкции уездных границ XVII века на примере Чаронды // Северный археограф. сб. Вологда, 1978. Вып. 6. С. 30–82; Он же. Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 271–276.

⁹⁰ Каштанов С.М. Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличкого уезда 1536–1537 гг. // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Северный археограф. сб. Вологда, 1978. Вып. 6. С. 24–33; Каштанов С.М., Хорунженко О.И. Указ. соч. и др.

географию на микроуровне (на уровне отдельного землевладения)⁹¹. А.Б. Мазуров активно использует такую методику для изучения истории волостей и станов Коломенского уезда⁹². В нашем исследовании также проводится локализация древних волостей, станов и отдельных населенных пунктов Малоярославецкого уезда на основании данных актовых материалов, писцовых описаний, топонимики, картографических источников XVIII в. и современной топографии местности.

В заключение краткого обзора использованной литературы следует отметить, что для проведения комплексного исследования необходимо было ознакомиться с литературой, посвященной анализу разного рода источников. В частности, с исследованиями, использующими данные археологических раскопок на территории Малоярославецкого уезда⁹³. Сведения о ранней истории города Ярославца Малого и его уезда содержатся в актовых источниках. В связи с этим имело особое значение изучение литературы, помогающей верно интерпретировать информацию духовных, договорных, жалованных грамот XIV–XV вв.⁹⁴ Богатые информацией писцовые материалы XVI–XVII вв. также требуют специальных знаний, получить которые позволили посвященные этому виду источников исследования⁹⁵. Работ, посвященных специальному изучению картографических материалов XVII–XVIII вв. не много, но они были очень полезны в методическом плане⁹⁶.

⁹¹ Чернов С.З. Указ. соч.

⁹² Мазуров А.Б. Указ. соч.

⁹³ См. напр.: Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986; Он же. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси – вв. М.–Л., 1961; Он же. Укрепления раннемосковских городищ // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л., 1958. Вып. 71. С. 12–17; Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках в Малоярославецком и Боровском районах Калужской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 12001; Юшко А.А. Московская земля – веков. М., 1991; Она же. Феодалное землевладение московской земли XIV в. М., 2002.

⁹⁴ См. напр.: Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей – вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Сб. 6. С. 275–324; Каштанов С.М. Еще раз о “куплях” Ивана Калиты // ВИ 1976. № 7. С. 190–191; Он же. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 238–251; Он же. Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 100–116; Он же. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М. 1982. С. 173–189; Он же. О написании и удостоверении княжеских актов // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей в честь Натальи Федоровны Демидовой. М.–Новосибирск, 2000. С. 29–49; Копанев А.И. О “куплях” Ивана Калиты // ИЗ. М., 1946. Т. 20. С. 25; Кучкин В.А. Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // ОИ. 1992. № 6. С. 62–70; Он же. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 376–378; Алексеев Ю.Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // ВИД. М., 1987. Т. 18. С. 93–110; Семенченко Г.В. Духовные грамоты XIV–XV вв. как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук М., 1983; Мазуров А.Б. О датировке завещаний Ивана Ивановича Красного // Исторические чтения Коломенского гос. пед. ун-та. Коломна, 2002. Вып. 2. С. 67–69 и др.

⁹⁵ См. напр.: Иванов П.И. Обзорение писцовых книг по Московской губернии с присовокуплением краткой истории древнего межевания. М., 1840; Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.; Павлов-Сильванский В.Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI века // АЕ за 1975 г. М., 1976; Он же. Опыт источниковедческого исследования писцовых и других поместно-вотчинных книг XVI в. – начала XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Он же. Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М., 1991; Абрамович Г.В. К вопросу о достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 31–32; Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б. Веселовского) // ИСССР. 1978. № 2. С. 127–142; Воскобойникова Н.П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда конца XVI–XVII вв. как исторический источник. Материалы по истории Европейского севера СССР // Северный археограф. сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 212–236; Маматова Е.П. Писцовая книга Рузского уезда и вопросы социально-политической истории России 60–70-х годов XVI в. // Советские архивы. 1976. № 3. С. 68–73; Кошелев В.В. Антропонимика писцовых книг и проблема ее публикации // Всерос. науч.-практ. совещ. по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников: Рефер. докл. и сообщ. СПб., 1993. С. 113–116.

⁹⁶ См. напр.: Цветков М.А. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31; Водарский Я.Е. Карты второй половины XVIII в. как источник для реконструкции уездных границ XVII века на примере Чаронды // Северный археографический сборник. Вологда. 1978. Вып. 6. С. 30–82; Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.

Завершая краткий обзор использованной в данной работе литературы, можно сделать следующий вывод. Историко-географическое исследование отдельно взятого уезда на протяжении длительного периода (XV–XVIII вв.) позволит более детально, чем это сделано до настоящего времени, представить процесс формирования и принципы административно-территориального деления Российского государства, а также историю реформирования его структуры в 1760-е–1770-е гг. Комплексное исследование Малоярославецкого уезда проводится впервые, что является значимым вкладом в развитие отечественного краеведения.

Объектом изучения в рамках данного исследования является территория Малоярославецкого уезда как административно-территориальной единицы Российского государства с момента ее формирования к концу XV в. и до реорганизации, произошедшей в ходе Генерального межевания и образования губерний в последней четверти XVIII в.

Предметом изучения являются процессы формирования и развития территории Малоярославецкого уезда как единого целого и составлявших его волостей и станов; оформления внешних границ и складывания внутренней структуры уезда; освоения и заселения различных его частей, возникновения новых населенных пунктов и превращения в пустоши заброшенных имений.

Целью предпринимаемого исследования является выявление ключевых моментов в истории уезда как административно-территориальной единицы, общих тенденций и основных направлений его развития. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- локализовать (нанести на карту) и изучить историю освоения и владельческой принадлежности в ранний период существования волостей и станов, составивших в конце XV в. Ярославский уезд;
- изучить процесс формирования территории уезда Ярославца Малого и его внутренней административно-территориальной структуры, выявить причины изменений внешних и внутренних границ;
- изучить механизм проведения переписей на территории уезда в XVI–XVIII вв. и оценить их результаты;
- изучить ход Генерального межевания на территории уезда и проанализировать произошедшие после него изменения во внутренней структуре и внешних границах уезда;
- составить схемы административно-территориального деления уезда на конец XV, XVI–XVII вв. и 1770-е гг. (до образования Калужского наместничества);
- проанализировать изменения, происходившие в структуре и численности населения уезда и отдельных его территориальных единиц на протяжении изучаемого периода;
- изучить историю возникновения и развития города Малоярославца в XV–XVIII вв.

Поставленные задачи могут быть решены на основании использования значительного круга источников.

Источниковая база исследования, в силу широты его хронологических рамок и комплексного характера, разнообразна и включает в себя источники опубликованные и неопубликованные. В тексте каждого параграфа диссертации содержится источниковедческая характеристика использованных в нем документов. Здесь же мы постараемся проанализировать их общий состав.

Законодательные акты, используемые в данной работе, опубликованы в изданиях: “Полное собрание законов Российской империи” (ПСЗ) собрание 1-е⁹⁷, “Указная книга Поместного приказа”⁹⁸, “Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой

⁹⁷ ПСЗ. Т. V, XVI, XVII, XVIII, XX.

⁹⁸ Указная книга Поместного приказа // Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом министерства юстиции. М., 1889. Вып. I.

половины XVII в.”⁹⁹, “Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц...”¹⁰⁰. В отдельных случаях использовались выверенные по первоисточникам тексты законодательных актов, опубликованные в изданиях “Законодательство Петра I” и “Законодательство Екатерины II”¹⁰¹.

Законодательные акты (Указы о проведении переписей, Наказы писцам и межевщикам и Инструкции) определяют цели и задачи переписных и межевых мероприятий на территории государства, методы их проведения, состав и круг полномочий переписчиков и межевщиков, виды и формы отчетных документов. Они регламентируют взаимоотношения правительственных агентов с местными властями, а также владельцами описываемых имений, права и обязанности жителей в связи с проводимыми землеописаниями.

Отчасти законодательный характер носят духовные грамоты великих князей, опубликованные в издании “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.”¹⁰², так как именно они определяли дальнейший статус княжения после смерти того или иного правителя. Многие духовные грамоты, а также договора между великими и удельными князьями содержат упоминания о волостях и станах, составивших позднее Ярославский уезд, и позволяют проследить их раннюю историю. В других академических изданиях: “Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV–начала XVI в.”¹⁰³, “Акты феодального землевладения и хозяйства”¹⁰⁴, опубликованы некоторые жалованные, данные и тарханские грамоты, упоминающие город Ярославль и волости его уезда. Три грамоты, касающиеся ранней истории Ярославского уезда, но относящиеся к XVI столетию, опубликованы в издании, предпринятом М.А. Дьяконовым еще в 1897 г.¹⁰⁵

Несколько жалованных грамот, проливающих свет на изменения в составе землевладельцев Ярославского уезда в годы Смуты, опубликованы Л.М. Сухотиным¹⁰⁶.

В 1884 г. на средства московских купцов Третьяковых было предпринято издание “Материалов для истории города Малоярославца”, содержащее публикации переписных и сметных книг города Малоярославца 1646, 1674–1705 гг., книги ландратской переписи 1715 г., книги третьей ревизии и описания города на 1775 г.¹⁰⁷ Благодаря данной публикации, выполненной на вполне удовлетворительном уровне, в нашей работе были использованы некоторые из выше-названных документов, в настоящее время мало доступные в подлиннике.

Большую часть источников, содержащих сведения о составе, хозяйственном развитии, структуре землевладения и землепользования, о численности и составе населения уезда Ярославца Малого в XVI – первой половине XVIII в., составляют писцовые, переписные, дозорные, перечневые и межевые книги, книги ревизских сказок населения Малоярославецкого уезда, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах Поместного приказа (Ф. 1209) и в Коллекции материалов переписей населения XVIII в. (Ф. 350).

Часть писцовых материалов сохранилась в подлинниках¹⁰⁸, большинство же – в списках, близких по времени создания к подлинной книге¹⁰⁹ или созданных в XVIII в., очевидно, при

⁹⁹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI–первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986.

¹⁰⁰ Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц... СПб., 1818.

¹⁰¹ Законодательство Петра I. М., 1997; Законодательство Екатерины II. М., 2001. Т. 1, 2.

¹⁰² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей – вв. М.–Л., 1950.

¹⁰³ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца – начала в. М., 1952–1958. Т. 1–3.

¹⁰⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951, 1956, 1961. Ч. I–III.

¹⁰⁵ Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве / Изд. М.[А.] Дьяконовым. Юрьев, 1897. Вып. II. № 10, № 13, № 14.

¹⁰⁶ Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе (1610–1611 гг.) / Под ред. Л.М. Сухотина. М., 1911.

¹⁰⁷ Малоярославец. Материалы для истории города – столетий. М., 1884.

¹⁰⁸ Межевая книга Малоярославецкого уезда межевщика Д.И. Кольчева, 1627/28–1629/30 гг. //РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15. Л. 130–229; Дозорные книги Троице-Сергиева монастыря в Малоярославецком уезде писца Ф.С. Вельяминова 1614–1617

подготовке к проведению Генерального межевания уезда¹¹⁰. Это косвенно подтверждается и тем фактом, что в копиях XVIII в. сохранились почти все межевые книги XVII в.

Писцовые книги И. Вельяминова 1587/88 г.¹¹¹ и Д.И. Колычева 1627/28 г.¹¹² содержат наиболее полные сведения о составе населенных пунктов и пустошей уезда Ярославца Малого. В них указаны большинство как действующих, так и запустевших “от крымского царя людей” храмов уезда. Указаны владельцы имений, их предшественники и способы получения ими земли. Для каждого имения указано количество пашенной и непашенной земли, леса, лугов. В книге 1627/28 г. приведены также сведения о мужском населении дворов.

Дозорные книги Троице-Сергиева монастыря 1613 г.¹¹³ и города Ярославца Малого 1621 г. писца И.В. Чемесова¹¹⁴ содержат лишь краткие сведения о численности мужского населения сельских или городских дворов.

Переписные книги 1646¹¹⁵ и 1678¹¹⁶ гг., не содержат сведений о структуре землевладений, о пустовых имениях и незаселенных пустошах. Объектом описания в них служило население, поэтому были учтены лишь населенные пункты и их жители мужского пола. Тем не менее, они дают возможность судить о заселенности и освоенности различных территорий уезда, а также об изменениях внутренних и, иногда, внешних границ уезда.

Материалы переписей XVIII в. значительно отличаются от переписных книг XVII в. Перепись 1709 г. – это сказки местного населения, собранные переписчиками и подвергшиеся минимальной обработке.¹¹⁷ Полученные сведения обобщили и переписали, но не проверяли, не распределяли по какой-либо системе.

Материалы переписи 1710 г.¹¹⁸ отличаются еще меньшей полнотой, чем в переписной книге 1709 г. Так, что в них отсутствуют по неясной причине данные о многих имениях. Све-

гг. // Там же. Д. 258; Алфавиты и перечневые росписи переписных книг 1678 г. Малоярославецкого уезда // Там же. Д. 278. Л. 437–617; Перечневые росписи из писцовых и межевых книг, поданные писцами в Поместный приказ по Малоярославецкому уезду, 1685 г. // Там же. Д. 281; Дозорная книга г. Малоярославца И.В. Чемесова, 1621 г. // Там же. Д. 399. Л. 325–330; Переписная книга г. Малоярославца и Малоярославецкого уезда 1646 г. // Там же. Д. 440. Л. 515–654; Межевые разных владельцев в Малоярославецком уезде книги межевщиков С.Ф. Юшкова, А.И. Козлова, А.А. Парасукова, П.П. Жадовского // Там же. Д. 10330. Л.1–12, 42–44, 130–134, 135–143.

¹⁰⁹ Платежная и перечневая книга Малоярославецкого уезда (с дозорной книги Ф. Кошкина, 1613–1614 гг.) // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15; Алфавит и перечневая роспись переписной книги Малоярославецкого уезда М. Вешнякова, 1678 г. // Там же. Д. 122. Л.1–80 об; Писцовая книга Малоярославецкого уезда Д.И. Колычева, 1627/28–1630/31 гг. // Там же. Д. 547, 548, 10328; Писцовая книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587/88–91/92 гг. // Там же. Д. 539; Писцовая (приправочная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587/88–91/92 гг. // Там же. Д. 540; Переписная книга г. Малоярославца и Малоярославецкого уезда 1646 г. // Там же. Д. 10333. Л. 495–630.

¹¹⁰ Писцовая и межевая книга г. Малоярославца и Малоярославецкого уезда письма и межевания Г.И. Комынина, 1684–86 гг. // Там же. Д. 248, 919; Писцовая книга Малоярославецкого уезда Д.И. Колычева, 1627/28–1630/31 гг. // Там же. Д. 681; Межевая книга Малоярославецкого уезда межевщика Д.И. Колычева, 1627/28–1629/30 гг. // Там же. Д. 918. Л. 1–77; Межевые книги спорных поместных и вотчинных земель Малоярославецкого уезда разных межевщиков. 1640–1699 гг. // Там же. Д. 920; Писцовая и межевая книга города Малоярославца и Малоярославецкого уезда письма и межевания Г.И. Комынина. После 1684 г. // Там же. Д. 10325; Книга межевая спорных земель Малоярославецкого и Оболенского уездов разных межевщиков, 1688–1693 гг. // Там же. Д. 921.

¹¹¹ Там же. Д. 540.

¹¹² Там же. Д. 681.

¹¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 258.

¹¹⁴ Там же. Д. 399. Л. 325–330.

¹¹⁵ Там же. Д. 440. Л. 515–654.

¹¹⁶ Там же. Д. 122. Л. 49–80 об.

¹¹⁷ Книга переписная посадских людей г. Малого Ярославца помещичьих, монастырских крестьян, церковных бобылей Окологородного, Холхольского, Михалевского, Заечковского, Пыринского, Товарковского, Сушевского, Салтыковского станов, Угоцкой, Репенской, Гремичской, Суходровской, Гордошевской волостей Малоярославецкого уезда 1709 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп.1. Д. 232.

¹¹⁸ Сказки церковнослужителей, подьячих г. Малого Ярославца, сказки о помещичьих, монастырских крестьянах, церковных бобылях Пыренского, Окологородного, Сушевского, Михалевского, Салтыковского, Товарковского, Заечковского, Холхольского станов, Пруцкой, Гремичской, Гордошевской, Репенской, Угоцкой, Суходровской волостей Малоярославецкого уезда // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 233.

дения о разных частях уезда представлены с разной степенью полноты. Сказки, поданные старостами и управителями имений, и вовсе не подвергались никакой обработке, а приведены полностью. Главным достоинством этого источника является наличие сведений о населении дворов священно- и церковнослужителей и церковных нищих.

Результаты ландратской переписи 1715 г. представлены в виде переписной¹¹⁹ и перечневой¹²⁰ книг, в которых одна и та же информация представлена в различном виде.

Переписная книга содержит полную информацию о населении каждого имения. Итоги по каждому владению, по каждой волости и стану, по уезду в целом представлены в таблицах, где все мужское и женское население расписано по возрастам и категориям.

В перечневой книге приведена общая информация о населении каждого населенного пункта, без росписи по возрастам, но с указанием изменений, произошедших после переписей 1678 и 1710 гг.

По полноте информации о населении ландратские книги 1715 г. превосходят все предыдущие переписные книги.

В данной работе мы ограничиваемся использованием материалов только переписей начала XVIII в., отказавшись от работы с такими интересными, информативно наполненными и трудоемкими источниками, как материалы ревизий. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, материалы ревизий содержат очень подробные сведения о населении уезда, но не отражают изменения, происходившие в составе его территориальных единиц. Во-вторых, сведения о принадлежности населенных пунктов тому или иному стану или волости почти везде в ревизских сказках отсутствуют, что значительно осложняет использование этих источников в историко-географическом аспекте. В-третьих, в фондах РГАДА по Малоярославецкому уезду сохранились материалы далеко не всех ревизий. Использование сохранившихся позволило бы выявить лишь отдельные разрозненные факты, не отражающие происходившие на территории уезда процессы. Кроме того, крупных преобразований в административно-территориальном делении уезда до Генерального межевания не происходило. Отдельные специальные межевания между соседними владениями, предпринимавшиеся на протяжении второй и третьей четвертей XVIII в. общей картины не меняли.

Большое значение для данного исследования представляют межевые книги Малоярославецкого уезда за разные годы XVII в.¹²¹, в значительном количестве (хотя и не полностью) сохранившиеся в РГАДА. Используя термины следующего столетия, можно сказать, что сохранились межевые книги двух видов: специального и генерального межевания. То есть, одна часть их содержит информацию о размежевании отдельных имений, проводившихся по просьбе самих владельцев, другая – результаты межеваний, предпринятых правительством. Общие межевания в уезде проводились дважды – после окончания Смуты в 1627/28 г. и в 1680-е гг. Разная историческая обстановка, разные цели, преследуемые правительством, отразились на характере и степени полноты отраженной в книгах информации.

¹¹⁹ Книга переписная церковнослужителей, подьячих, посадских людей Спасской, Никольской, Успенской, Георгиевской, Ивановской слобод г. Малого Ярославца, помещичьих, монастырских крестьян и другого населения Окологородного, Холхольского, Михалевского, Пыренского, Сушевского, Товарковского, Заечковского, Салтыковского станов, Угоцкой, Репинской, Гремичской, Пруцкой, Суходровской, Гордошевской волостей Малоярославецкого уезда 1715 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 234.

¹²⁰ Книга перечневая итогов переписи 1715 г. в сравнении с данными переписей 1678 г. и 1710 г. церковнослужителей, подьячих, посадских людей г. Малого Ярославца, помещичьих, монастырских крестьян и другого населения Окологородного, Холхольского, Михалевского, Пыренского, Сушевского, Товарковского, Заечковского, Салтыковского станов, Угоцкой, Репинской, Гремичской, Пруцкой, Суходровской, Горошошевской волостей Малоярославецкого уезда 1715 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 235.

¹²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15. Л. 130–229; Д. 248, 919; Д. 918. Л. 1–77; Д. 920; Д. 921; Д. 10325; Д. 10330. Л. 1–12, 42–44, 130–134, 135–143.

В межевой книге Малоярославецкого уезда, составленная при проведении очередного описания уезда В. Колычевым и В. Рожновым в 1627/28–1629/30 гг.¹²², большинство записей касаются проведения границ между соседними именьями, но в нескольких случаях описаны участки границы между волостями и станами внутри уезда, а также между Малоярославецким и Оболенским уездами. Межевые работы при данном описании проводились не во всех имениях, но затронули все его волости и станы, кроме тех, где в то время не было населения.

В 1680-егг. правительством была принята чрезвычайно широкая программа описания и межевания земель во всем государстве. Работа писцов значительно усложнилась: они не только описывали, но и мерили и межевали все земельные уголья (пашни – во всех трех полях), проверяли правильность владения, сверяя документы и т.д. Выполнение столь обширной программы в отведенные сжатые сроки было невозможно, и писцы просто не успевали закончить ее. В Малоярославецком уезде стольник Г.И. Комынин и подьячий И. Шеин успели описать и обмежевать лишь центральные части уезда.¹²³ Однако качество проведенных работ было очень высоким. Там, где межевание все же было проведено, результаты его были зафиксированы в межевых книгах, на планах и в выданных владельцам выписях. Эти документы стали юридическим основанием для последующего владения описанными землями.

При изучении хода работ по Генеральному межеванию Малоярославецкого уезда в 1760–1770-е гг., использовались документы хранящихся в РГАДА фондов: материалы Генерального и специального межеваний по Калужской (Ф. 1313) и Московской (Ф. 1320) губерниям.

В Фонде 1313 были использованы лишь “мелочные” дела, касающиеся проведения межевых работ внутри уезда (Оп. 7, Ч. I). В делах содержатся:

- указы Межевой канцелярии, содержащие решения по вопросам, поднятым малоярославецкими землемерами и Серпуховской межевой конторой¹²⁴;
- приказные дела по Малоярославецкому уезду, указы Серпуховской межевой конторы и месячные ведомости о полевой межевой работе¹²⁵;
- ведомости о размежевании владельческих дач в Малоярославецком уезде¹²⁶;
- рапорты малоярославецких землемеров о ходе проводимых работ, о необходимости в целях упорядочения границ “отмежевать” от Малоярославецкого уезда два стана (Заечковский и Холхольский), отдаленные от его основной территории, о решении спорных вопросов о границах между соседними именьями и др.¹²⁷;
- протоколы заседаний и решения Серпуховской межевой конторы по названным вопросам¹²⁸;
- “журналы” совместного проведения землемерами смежных уездов межуездных границ¹²⁹.

Эти документы содержат информацию о персональном составе межевых партий, позволяют достаточно подробно представить технику проведения межевых работ в Малоярославецком уезде, трудности объективного и субъективного характера, с которыми сталкивались в работе землемеры, взаимоотношения внутри землемерных партий и между землемерами соседних уездов и др.

Таким образом, ход и результаты Генерального межевания на территории Малоярославецкого уезда до его включения в состав Калужской губернии благодаря указанным докумен-

¹²² Там же. Д. 15. Л. 130–229.

¹²³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 248, 919.

¹²⁴ Там же. Ф. 1313. Оп. 7 Ч. I. Д. 49, 65; Ф. 1320. Оп. 7. Ч. VIII. Д. 6194, 6283а.

¹²⁵ Там же. Ф. 1320. Оп. 7. Ч. VIII. Д. 6177, 6283а, 6283г.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Ч. VIII. Д. 6205, 6214, 6283а, 6283г.

¹²⁷ Там же. Д. 6154, 6189, 6191, 6269.

¹²⁸ Там же. Д. 6154, 6189, 6191, 6269.

¹²⁹ Там же. Д. 6269.

там могут быть описаны достаточно подробно. В то же время, свидетельств о проведении межевания между вновь образованными уездами учрежденной в 1777 г. Калужской губернии обнаружить пока не удалось. Лишь сам факт официального открытия губернии 28 февраля 1777 г.¹³⁰, а также донесение Калужского и Тульского наместника Кречетникова государыне от 23 апреля 1782 г. о завершении работ по определению внешних границ этих губерний и внутренних границ между уездами¹³¹, свидетельствуют о проведении таких работ. В донесении Кречетникова сказано также, что “в пристойных местах, как на губернских, так и на окружных межах, и самые столбы со изображением гербов выставлены”¹³².

В работе использовано значительное число картографических источников. В фондах РГАДА хранится пять чертежей конца XVII в. с изображением территорий, принадлежащих Малоярославецкому уезду. Однако по причине ветхости доступны для исследования оказались лишь два из них. На одном изображены владения Николаевского Черноостровского монастыря и прилегающие к ним земли других владельцев.¹³³ Другой охватывает значительный и очень сложный участок территории Малоярославецкого уезда на стыке Салтыковского, Сушевского станов и Гордошевской волости.¹³⁴ Его появление было вызвано, скорее всего, описанными выше работами по межеванию уезда конца 1680-х гг. Чертеж ясно демонстрирует необходимость нового проведения границ между волостями и станами уезда: чресполосица в их расположении на нем очевидна.

Очень интересным источником является план города Малоярославца 1766–1769 г.¹³⁵ План не был введен в научный оборот, хотя и хранится в хорошо известной исследователям коллекции чертежей и планов МАМЮ. На плане указано расположение городских храмов, улиц и переулков. План выполнен руководителем землемерных работ в Малоярославецком уезде во время Генерального межевания майором И. Тихменевым. К нему приложена таблица, содержащая подробную информацию о доходах и расходах городской казны, составе и численности населения уезда, количестве храмов и каменных зданий в городе и в уезде в целом, а также о действующих в уезде фабриках.

Картографические материалы, созданные в ходе Генерального межевания, хранятся в фондах РГАДА и ГАКО. Это “генеральные” карты Калужской губернии¹³⁶, “генеральные” планы Малоярославецкого уезда¹³⁷, планы его волостей и станов¹³⁸ и планы отдельных дач генерального межевания¹³⁹.

Карты Калужской губернии или наместничества существуют в нескольких вариантах. Время их создания – конец 1770-х – 1800-е гг. Одна из наиболее ранних карт имеет подробное описание экономического состояния первоначально вошедших в губернию уездов (кроме Серпейского и Мосальского).¹⁴⁰ Карта, датированная 1802 г., содержит информацию о том,

¹³⁰ ПСЗ. Т. XX. № 14589.

¹³¹ Кречетников М.Н. Журнал реляций к Ея Императорскому Величеству Калужскаго, Тульскаго и Рязанскаго генерал-губернатора М.Н. Кречетникова 1782 и 1787 гг. М., 1863.

¹³² Там же. С. 8.

¹³³ Чертеж земель Ярославца Малого Николаевского монастыря по речке Паньке // РГАДА. Ф. 1209. Столбец Алексин. Д. 31417. Л. 139. Название документа не совсем верно. Более правильно было бы: “Чертеж межи поместных земель Ярославца Малого пустошей Сенинской, Старковой и Ефимовской с владением Николаевского Черноостровского монастыря деревней Шубинской”. Упомянутая в названии документа речка – не Панька, а Талинка.

¹³⁴ Чертеж земель Малоярославецкого уезда по реке Луже // РГАДА. Ф. 1209. Столбец Алексин. Д. 31451. Л. 125.

¹³⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 14, 14а.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 1356. Д. 1375, 1376, 1377.

¹³⁷ Там же. Д. 1417, 1418, 1419, 1420.

¹³⁸ ГАКО. Ф. Ф-15. Оп. 5. Д. 432–436; Ф. Ф-437. Оп. 6. Д. 792.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 155. Ч. 1, 2. Генеральные и специальные планы Малоярославецкого уезда 1761–1911 гг.; ГАКО. Ф. Ф-15. Оп. 5. Планы дач генерального межевания.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1375.

как при расформировании в 1798 г. Малоярославецкого и Мещевского уездов была распределена между соседними уездами их территория.¹⁴¹ Эта интереснейшая тема, однако, выходит за рамки настоящего исследования. Для нас ценной информацией, содержащейся на всех картах наместничества, является направление дорог и обозначение их статуса. Наиболее подробные сведения по этой проблеме находим на дорожной карте наместничества.¹⁴²

Генеральные планы Малоярославецкого уезда также существуют в нескольких рукописных вариантах. Один из них – наиболее подробный и выполненный на высоком художественном уровне¹⁴³. При небольшом масштабе (в 1 дюйме 500 сажень) на нем обозначены мельницы и запруды. Хорошо видны даже направления улиц в городе Малом Ярославце. На другом плане показаны части, из которых был составлен уезд при новом его формировании в рамках Калужской губернии.¹⁴⁴ Обозначены территории, прежде входившие в Малоярославецкий уезд, а также – принадлежавшие до того Оболенскому, Боровскому, Калужскому уездам.

Названные карты Малоярославецкого уезда показывают, что в результате нового межевания он приобрел совершенно иные очертания. Значительная часть территорий, ему исторически принадлежавших, была передана в Калужский, Боровский, Медынский и Тарусский уезды.

Источником, содержащим сведения о территории, населенных пунктах, численности населения и об экономическом состоянии уездов вновь образованного Калужского наместничества, является опубликованный в 1782 г. Атлас наместничества с экономическими примечаниями и алфавитами к нему¹⁴⁵. Описание хозяйственного состояния уездов вновь образованной Калужской губернии содержится и в «Топографическом описании Калужского наместничества», изданном несколько позднее¹⁴⁶. И в Атласе, и в Топографическом описании представлены карты всего наместничества и каждого уезда в отдельности. Кроме того, в Атласе есть планы всех уездных городов. Карты в Атласе содержат больше информации: помимо населенных пунктов, на них указаны и пустоши и границы отдельных владений. Целью издания Топографического описания было лишь общее знакомство широкой публики с составом уездов Калужского наместничества, поэтому карты в нем имеют более мелкий масштаб и на них указаны лишь населенные пункты. Те и другие карты грешат значительным числом ошибок в написании названий сел, деревень и речек. Хотя топографическая их основа довольно точна.

Несмотря на указанные недостатки уездные и губернские карты Генерального межевания (изданные и неизданные) являются уникальным источником, содержащим сведения не только о местонахождении и названиях многих исчезнувших ныне населенных пунктов, но и о степени освоенности земель, о границах землевладений, об исторических названиях издавна заброшенных деревень и о многом другом. Для историков местного края карты Генерального межевания и экономические примечания к ним часто являются отправной точкой в исследовании истории локальных территорий и отдельных населенных пунктов.

Значительная часть вышеперечисленных документов впервые вводится в научный оборот в данном исследовании. Комплексное использование данных актовых источников, материалов писцовых описаний, карт и планов Генерального межевания позволяет решить поставленные в данной работе задачи по изучению истории формирования и состава земель, входивших в Малоярославецкий уезд на протяжении первых трех столетий его существования, изучить динамику численности населения в разных частях уезда и их хозяйственное развитие. Карто-

¹⁴¹ Там же. Д. 1376.

¹⁴² Там же. Д. 1377.

¹⁴³ Там же. Д. 1419.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1420.

¹⁴⁵ Атлас Калужского наместничества. Т. 1–3. СПб., 1782.

¹⁴⁶ Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785.

графические материалы Генерального межевания послужили основой при составлении исторических карт и схем административно-территориального деления уезда в более раннее время.

Методологической основой исследования является представление о закономерностях исторического развития в целом и их конкретном проявлении на определенной территории.

Целостность исследования основана на анализе конкретно-исторических процессов, происходивших на локальной территории, с учетом общеисторических реалий. Системность и комплексность исследования обеспечивается компаративным изучением широкого круга исторических источников и сочетанием общеисторических методов исследования с методами источниковедения и исторической географии.

Историко-сравнительный анализ однотипных источников – актового материала или писцовых книг в различные хронологические периоды позволяет понять динамику развития конкретной локальной территории. Сравнение данных разных источников одного периода (актовых, писцовых, картографических) дает возможность наиболее точно установить картину заселенности, освоенности, развития хозяйства в различные исторические периоды. Одним из необходимых в случае обращения к локальной истории является метод исторической реконструкции: достаточное количество источников позволяет детально изучить происходившие в узких территориальных рамках процессы. При составлении таблиц, отражающих состав и численность населения, и другие количественные характеристики, применяются методы математического анализа. Изучая историю отдельного уезда необходимо применять в сочетании методы макро- и микроанализа, устанавливая, как в рамках небольшой территории реализовывались общегосударственные мероприятия, связанные с формированием и развитием его административно-территориальной структуры.

При составлении карт-реконструкций уезда на разные периоды применялся картографический метод, требующий привлечения возможно большего числа источников, позволяющих локализовать не только населенные пункты, но и пустоши.

Научная новизна работы состоит в комплексном подходе к изучению истории локальной территории – Малоярославецкого уезда – на протяжении длительного времени, с использованием разнообразных источников (актовых, писцовых, картографических), что позволило впервые детально изучить формирование административно-территориальной структуры одного из центральных уездов Российской империи.

В научный оборот впервые введен целый комплекс писцовых и картографических материалов, а также документов, возникших в ходе Генерального межевания Малоярославецкого уезда в конце 1760-х – начале 1770-х гг.

На основе данных писцовых описаний и карт генерального межевания установлена локализация древних волостей, составивших первоначальную территорию Малоярославецкого уезда.

Впервые изучен процесс формирования территории уезда, присоединения к нему отдельных волостей, не входивших в состав первоначальной территории.

Изучен порядок и результаты описаний уезда в разные исторические периоды. Выделены основные моменты его развития.

Составлены исторические карты-схемы Малоярославецкого уезда в конце XV, XVI–XVII вв. и 1770-е гг.

Изучена история развития топографии города Малоярославца, с конца XV и до последней четверти XVIII в.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения используемой методики для изучения истории других уездов Российской империи, в сравнении результатов таких исследований, что позволит выявить общие и специфические черты сходных процессов во всех частях государства.

Кроме того, результаты исследования могут быть широко использованы в преподавании курсов исторической географии, региональной истории, а также краеведения в учебных заведениях Калужского области.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в авторских публикациях, докладе на Тихомировских чтениях в июне 2004 г., а также в докладах на научных и научно-практических конференциях: “Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания” (Москва, РГГУ, 2002 г.), “Источниковедческая компаративистика и историческое построение” (Москва, РГГУ, 2003 г.); “История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания” (Коломна, 2003 г.); “Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья” (Калуга 1999, 2001 и 2003 гг.); “Малые города России. Малоярославец – проблемы истории и возрождения” (Малоярославец, 2000 г.) и др.

Работа имеет следующую структуру: введение, три главы и заключение.

Во введении обоснована актуальность, обозначены цели и задачи, определены объект, предмет и методологическая основа исследования, приведен историографический обзор темы, дана характеристика источниковой базы.

В первой главе изложена история формирования к концу XV в. Малоярославецкого уезда из отдельных волостей и станов, упоминающихся в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей. На основе подробного изучения текста духовной грамоты Верейско-Белозерского и Ярославского князя Михаила Андреевича описан состав входивших в конце XV в. в Ярославский уезд земель. На основе редких упоминаний в исторических документах кратко изложена история возникновения, владельческой принадлежности и развития до конца XV в. города Ярославца.

Во второй главе описан состав, внешние границы уезда Ярославца Малого в XVI–XVII вв. На основе материалов писцовых описаний представлены изменения, происходившие на территории его административных единиц: возникновение и исчезновение населенных пунктов, изменения в размещении и численности населения. Выявлены взаимосвязи указанных процессов с географическим положением отдельных волостей и станов, а также – с внутриволостной обстановкой в стране. Обозначена значительность роли, которую играли в развитии тех или иных частей уезда проходившие через него дороги. Отдельный параграф посвящен истории города Малого Ярославца в XVI–XVII вв.

В третьей главе дана характеристика административной структуры, заселенности и хозяйственного развития уезда в начале XVIII в. Описан ход и охарактеризованы результаты Генерального межевания на территории уезда в 1766–1771 гг. Отмечены изменения в составе земель, включенных в Малоярославецкий уезд после вхождения его во вновь образованную Калужскую губернию. Описаны изменения в топографии и развитии города Малоярославца в XVIII в.

В заключении даны основные выводы по теме исследования.

В приложении даны схемы расположения волостей и станов юго-западной окраины Московского княжества, упоминаемые в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей в XIV–XV вв. (приложение 1); владений наследников Владимира Андреевича Храброго в Боровском и Серпуховском уделах (приложение 2), а также – Михаила Андреевича Верейско-Белозерского “в Ярославце” (приложение 3); схемы административно-территориального деления уезда Ярославца Малого в конце XV, в XVI–XVII вв. и в 1770-е гг. (приложения 4, 6, 10) и направлений дорог, проходивших через уезд Ярославца Малого в XVI–XVII вв. (приложение 7); реконструкции планов города Малого Ярославца в конце XV и в конце XVI – начале XVII вв. (приложения 5, 8); планы города Малого Ярославца и Малоярославецкого уезда из Атласа Генерального межевания (приложения 13 и 11); проектный план города Малого Ярославца, утвержденный ее величеством императрицей Екатериной II в 1779 г. (приложение 14);

впервые публикуемые планы города Малоярославца конца 1760-х – начала 1770-х годов из фондов РГАДА и РГВИА (приложения 12, 15).

Научно-справочный аппарат работы включает подстрочные ссылки, список источников и литературы, список сокращений.

ГЛАВА I. ЯРОСЛАВЕЦКИЙ УЕЗД В КОНЦЕ XV в.

§ 1. История формирования Ярославецкого уезда

Территория Ярославецкого уезда складывалась постепенно, на протяжении длительного периода, в ее состав вошли, в основном, бывшие рязанские владения, после присоединения к Московскому княжеству оказавшиеся на юго-западной его границе.

История присоединения и владельческой принадлежности в ранний период территории, занимаемой с конца XV в. уездом города Ярославца (позднее названного Ярославцем Малым) раскрывается на основании анализа сохранившегося комплекса духовных, договорных и жалованных грамот князей московского дома XIV–XVI вв.¹⁴⁷

В связи с тем, что специалисты в области русской медиевистики постоянно пересматривают и уточняют время составления используемых актов¹⁴⁸, вопросы датировки грамот специально в данной работе не рассматриваются, и в каждом случае приводится датировка, представляющаяся автору настоящего исследования наиболее обоснованной.

Самые ранние сведения о территориях, вошедших позднее в Ярославецкий уезд, содержатся в хорошо известной исследователям жалованной данной и тарханной грамоте рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Ольгова монастыря Арсению. Хотя документ относится к 1370-м гг., он включает в себя ссылку на более ранние времена, когда при основании названного монастыря (вероятно, состоявшегося около 1219 г.) "... князь великий Ингварь, князь Олег, князь Юрий, а с ними бояре" пожаловали ему пять погостов, которые перечислены здесь же: Песочна, Холохолна, Заячины, Веприя и Заячков¹⁴⁹.

По поводу названных в грамоте рязанских князей Ингваря, Олега и Юрия в литературе существуют разные точки зрения. Нам кажется вполне обоснованным мнение Д.И.Иловайского и Б.А.Романова, считающих их братьями Игоревичами¹⁵⁰. Если это так, то значит упомянутые пожалованные Ольгову монастырю земли в начале XIII в. принадлежали рязанским князьям.

Следует отметить, что правдивость некоторых подробностей, связанных с основанием монастыря, изложенных в грамоте, вызывает сомнения¹⁵¹. Однако указанные в ней волости или погосты действительно существовали и вполне поддаются локализации. По р. Вепрейке (приток р. Лужи) можно уверенно локализовать Веприю, в районе существующего с. Тарутино (на р. Наре и речке Чернишне) – Заячков, в нижнем течении р. Протвы локализуется Холохолна (см. приложение 1). Песочну Б.А. Романов локализует в Песоченском стане Коломенского уезда (XVII в.), а Заячины – у истоков р. Прони¹⁵². Последние два погоста грамоты Олега рязанского никакого отно-

¹⁴⁷ См.: ДДГ; АСЭИ; АРГ.

¹⁴⁸ О датировке грамот см.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы – вв. М., 1948. Ч. 1; Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей – вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Сб. 6. С. 275–324; Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003; Он же. К датировке завещания Симеона Гордого // ДГ. С. 99–106; Он же. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24; Он же. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 206–225; Каштанов С.М. К вопросу о первом упоминании и времени основания Малоярославца...; Мазуров А.Б. О датировке завещаний Ивана Ивановича Красного // Исторические чтения Коломенского гос. пед. ин-та. Коломна, 2002. Вып. 2. С. 67–69.

¹⁴⁹ АСЭИ. № 322. С. 351.

¹⁵⁰ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 63; Романов Б.А. Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.–Л., 1940. Сб. III. С. 215.

¹⁵¹ См. об этом подробнее: Романов Б.А. Указ. соч. С. 213–216.

¹⁵² Там же. С. 217.

шения к Ярославскому уезду не имеют, и их история не является темой данной

Что касается остальных, то Вепрейская волость входила позднее в состав соседнего с Ярославцем Боровского уезда, а Заячков и Холхол являлись волостями (затем – станами) Ярославского уезда с конца XV в. и до конца 1760-х гг. Обе они находились восточнее основной территории позднейшего Ярославского уезда, а будущая Боровская волость Веприя – западнее ее¹⁵³. О принадлежности других частей Ярославского уезда (также, как и соседнего Боровского) рязанским князьям в XIII в. нет никаких сведений. Но следует обратить внимание на то, что, располагавшиеся западнее ярославецких земель волости Серпуховско-Боровского княжества Лужа и Боровск, а также отъездная Можайская волость Верея (ставшая позднее частью Верейско-Белозерского княжества) названы в договорной грамоте Дмитрия Донского с Олегом Рязанским 1381 г. бывшими “местами рязанскими” (отошедшими Москве). Получается, что основная территория будущего Ярославского уезда в рассматриваемое время была окружена рязанскими территориями. Можно предположить, что и остальные ярославецкие земли, располагавшиеся по рекам Протве и Луже (и их притокам) также в указанный период могли входить в состав Рязанского княжества.

Что касается хозяйственного развития названных в жалованной грамоте Олега Рязанского территорий, его трудно оценить. Но пожалованные тремя князьями новой обители земли должны были быть, по меньшей мере, не самыми заброшенными во всем княжестве. Этимология названий трех из пяти погостов (“Заячины”, “Веприя” и “Заячков”) позволяет связывать их образование с княжескими охотничьими угодьями. Кроме того, все они – “земли бортные”, т.е. население их занималось очень доходным промыслом. Все это позволяет предполагать относительно высокое экономическое развитие этих погостов.

В духовной грамоте московского великого князя Ивана Даниловича Калиты¹⁵⁴ (1339 г.¹⁵⁵) упоминаются некоторые земли, прилегавшие к территории будущего Ярославского уезда. Самой грамоте, многочисленным затронутым в ней аспектам политического и экономического развития Московского княжества, локализации названных в ней географических объектов посвящено много работ¹⁵⁶, и мы останавливаться на анализе этого документа не будем. Напомним лишь состав земель, доставшихся третьему сыну великого князя – Андрею серпуховскому: “А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Наруниж[ское, Серпо]ховь, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Растовець, Тухачевь. А се села: село Талежьское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломнинское, село Ногатинское”, кроме того, Лопастеньское село из удела князя Андрея было передано княгине Ульяне “с меньшими детьми”¹⁵⁷. Владения Андрея серпуховского интересуют нас, прежде всего, потому, что его сын – Владимир Андреевич серпуховской и боровский традиционно считается основателем города Ярославца на р. Луже – центра будущего Ярославского уезда. Однако из ярославецких волостей в грамоте не названа ни одна: он ими не владел.

Все владения Андрея Серпуховского располагались на юге и юго-западе Московского княжества, на левой стороне реки Оки.¹⁵⁸ Голичичи и Щитов непосредственно граничили с волостью Заячковым, Темна – с Холхолом.¹⁵⁹ На этом основании возможно предположение,

¹⁵³ В данном случае неважно, что названные волости располагались не строго к востоку или к западу от Ярославца.

¹⁵⁴ ДДГ. № 1. С. 7–9.

¹⁵⁵ Кучкин В.А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты?... С. 221.

¹⁵⁶ См. об этом введение к данной работе. С. 9–13.

¹⁵⁷ ДДГ. № 16. С. 9.

¹⁵⁸ О локализации владений Андрея Серпуховского см. так же: Юшко А.А. Феодалное землевладение московской земли XIV в. М., 2002. С. 40–44.

¹⁵⁹ См.: Аверьянов К.А. Формирование территории Московского княжества: Источниковедческий анализ духовных грамот Ивана Калиты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 251 (Схема I. Локализация объектов, упомянутых завещанием Ивана Калиты.)

что эти три волости, а также располагавшиеся южнее Серпухов, Лопастна и Нивна – были прежде рязанскими владениями, отнятыми московскими князьями.

Как предполагал в одной из своих работ В.А. Кучкин, неупомянутые в духовной Ивана Калиты ярославецкие и боровские волости оставались рязанскими владениями до заключения договора между Дмитрием Донским и Олегом рязанским в 1381 г.¹⁶⁰ Кроме, однако, нескольких волостей, переданных между 1340 и 1348 гг. Семену Гордому некоей княгиней Анной (об этом – ниже). То есть, владения рязанских и московских князей на территориях современных Боровского, Малоярославецкого, Серпуховского и других уездов располагались чресполосно. Например, будущие ярославецкие волости Заячков и Холхол (неупомянутые в духовной грамоте великого князя Ивана Калиты), находились в непосредственной близости от названных им земель, можно сказать, были окружены ими. Менее вероятным кажется предположение К.А. Аверьянова о принадлежности ярославецких и соседних земель в XIV в. Можайскому княжеству¹⁶¹.

Возможно, Иван Калита не перечислил в своей духовной грамоте все фактически принадлежавшие ему земли. Некоторые из них, захваченные силой оружия и хитростью, располагались в глухих лесах и были слабо освоены. Существовала реальная возможность возвращения их Рязанью, поскольку удержать в своих руках всю захваченную территорию, было даже для быстро крепнувшей Москвы довольно трудно. Может быть, именно поэтому нет в духовной грамоте Калиты упоминаний о Луже, Боровске, Верее и других соседних территориях (в том числе – ярославецких).

Высказанное предположение касается истории не всех ярославецких земель: судьба волости Заячков в рассматриваемый период известна немного полнее. Ее упоминание мы встречаем в договорной грамоте великого князя Семена Ивановича Гордого с братьями (1348 г.¹⁶²). В этом документе впервые появляется упоминание о пожалованных московскому князю Семену Гордому княгиней Анной (которую Семен Иванович называет “теткой”) земель. Плохая сохранность документа позволяет прочесть название только одной из пожалованных волостей – Заячков¹⁶³. Согласно реконструкции документа, предложенной В.А. Кучкиным, кроме Заячкова княгиня Анна “благословила” Семена Гордого также и другими волостями, а именно: Гордошевичами, Вышгородом, Гремичами, Рудью, Кропивною и Сушовым¹⁶⁴ (см. приложение 1). О пожалованной теткой Анной волости Гордошевичи, хотя и не вполне ясно, говорится и в духовной грамоте Семена Ивановича (1353 г.)¹⁶⁵. Все эти сведения для нас имеют особое значение, поскольку речь идет о части территории будущего Ярославского уезда и о соседних землях. Волость Гордошевичи занимала территорию, на которой ныне расположен сам город Малоярославец и значительную часть его окрестностей (по речкам Большой и Малой Перинкам, Кариже, Ярославке), что устанавли-

¹⁶⁰ Кучкин В.А. Княгиня Анна–тетка Симеона Гордого // Исследования по истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 8.

¹⁶¹ Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. С. 162–163.

¹⁶² Кучкин В.А. Договор Калитовичей... С. 24.

¹⁶³ ДДГ. № 2. С. 11–13.

¹⁶⁴ Кучкин В.А. Договор Калитовичей... С. 25.

¹⁶⁵ ДДГ. № 3. С. 13–14.

вается на основании писцовых описаний уезда Ярославца Малого в конце XVI и начале

¹⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539, 540, 681 и др.

Между датами составления завещаний Иваном Калитой и Семеном Гордым разница немногим более десяти лет. Являясь для сына Калиты теткой, неизвестная Анна принадлежала к тому же поколению, что и великий князь Иван Данилович. Следовательно, во время написания духовной грамоты Ивана Калиты княгиня Анна вполне могла быть взрослой и дееспособной женщиной, владелицей (самостоятельной или вместе с мужем) значительных по протяженности и хозяйственному потенциалу земель. И совершенно естественно, что находившиеся в чьем-то владении и не являвшиеся собственностью московского князя земли он не мог завещать своим наследникам. Впрочем, это сделала после его смерти сама владелица – княгиня Анна.

Происхождение княгини Анны имеет, в данном случае, значение, и на нем следует остановиться подробнее. По мнению М.Д. Хмырова и А.В. Экземплярского, княгиня Анна была женой брата Ивана Калиты – Афанасия¹⁶⁷. В.А. Кучкин считает, что тетка Семена Гордого – это сестра Ивана Калиты, дочь Даниила Александровича Московского, выданная замуж за одного из рязанских князей. Этим, по его мнению, и объясняется появление части рязанских территорий в составе Московского княжества¹⁶⁸. К.А. Аверьянов доказывает, что княгиня Анна была дочерью одного из белозерских князей, вышедшею замуж сначала за можайского и брянского князя Святослава Глебовича (сына смоленского князя Глеба Ростиславича), а затем – за Афанасия Даниловича, брата Калиты. От первого мужа, по мнению К.А. Аверьянова, княгиня получила и принесла с собой в приданое Афанасию Даниловичу часть будущих ярославецких земель, а именно – волость Гордошевичи¹⁶⁹. Эта версия объясняет наименование волости Гордошевичи отъездной можайской волостью в духовной грамоте Дмитрия Донского, но не объясняет, каким образом к княгине попала бывшая рязанская волость Заячков. В целом, версия К.А. Аверьянова представляется менее обоснованной, чем предлагаемое В.А. Кучкиным решение проблемы. После смерти одного из рязанских князей оставшаяся вдовой дочь Ивана Калиты могла передать владения своего супруга в руки московского князя. Рязань в тот момент (между 1340 и 1348 гг.¹⁷⁰) вряд ли могла помешать этому акту. Впрочем, исходя из юридической практики того времени, переход бывших рязанских земель в состав московского княжества был вполне возможен и в качестве приданого за одной из княжон. А вот возможность передачи новому супругу полученных в качестве подарка от первого мужа владений – более чем спорна.

Во второй духовной грамоте брата Семена Гордого – великого князя Ивана Ивановича Красного (ноябрь–декабрь 1357 г.¹⁷¹) после подтверждения владений серпуховского князя Владимира Андреевича, доставшихся последнему в наследство от отца (Андрея Ивановича), написано: “...А чт[о] ся мне] достали ме[ста Рязань]ская на сеи стороне Оки, из тыхъ месьть дал есмь князю Володи[меру], в Лопастны места, Новиы городокъ на оустъ Поротли, а иная места Р[язаньск]ая отменьная сыном моим, князю Дмитрью [и князю И]вану, поде[лятся нап]олы без обиды...”¹⁷². Названия этих мест не указаны. оборот “мне достали” может означать как приобретение этих мест в недавнее время, так и простое употребление обобщенного названия волостей, когда-то перешедших к Москве от Рязани, но до сих пор по памяти и для простоты обозначаемые как бывшие рязанские территории. “Отменные” у Рязани “места” были, однако, еще не вполне “притянутыми” к Москве территориями: в тексте грамоты содержится оговорка:

¹⁶⁷ Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Ч. 1. СПб., 1871. № 377; Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси. Т. 1. СПб, 1889. С. 334.

¹⁶⁸ Кучкин В.А. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого... С. 6–9.

¹⁶⁹ Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. С. 159–164.

¹⁷⁰ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 256.

¹⁷¹ Мазуров А.Б. О датировке завещаний Ивана Ивановича Красного...

¹⁷² ДДГ. № 4а. С. 15.

“...И ци по грехомъ, имуть искати из Орды Коломны, или Лопастеньских местъ, или отменьных мест Рязаньскихъ, а дети мои, князь Дмитрии и князь Иван, князь Володимеръ, и княгини [в то] место поделятся безъпennyными месты”¹⁷³. Рязань в то время претендовала на возвращение себе Коломны и Лопастны, вероятно, и других захваченных Москвой территорий тоже. Упоминание “других мест рязаньских” наряду с Коломной косвенно подтверждает наше предположение о том, что Москва уже довольно продолжительное время владела ими.

В договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем (между 10 апреля и 15 июня 1371 г.¹⁷⁴) последний, насколько можно судить по плохо сохранившемуся тексту, перечисляет земли, которые он желал бы получить¹⁷⁵. Искомые земли принадлежали в это время вдове Семена Гордого Марии. Княгиня владела ими лично, эти волости не входили в состав Московского или Великого княжения, и поэтому, в отличие от других, завещанных ей Семеном территорий, Иван Красный отобрать их у вдовы не решился. После “живота” княгини Марии Александровны их и хотел получить активно занимавшийся делами своего княжества Владимир Андреевич. Речь идет о четырех волостях, составивших позднее ядро Ярославецкого уезда – Гордошевичах, Гремичах, Сушове, и Заячкове, а также еще о трех соседних – Вышгороде и Руди с Кропивною (см. приложение 1). Напомним, что именно эти семь волостей и считает В.А. Кучкин “благословением” тетки Анны.

Текст грамоты, на наш взгляд, не позволят с полной уверенностью судить о том, что просимые Владимиром Андреевичем земли были им и в самом деле получены, хотя С.М. Каштанов считает этот факт бесспорным. Прежде всего, возникает вопрос: почему, в таком случае, в следующем договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем (1389 г.)¹⁷⁶ не указаны эти земли, а названы совсем другие волости, расположенные по соседству и полученные Владимиром Храбрым от великого князя по ходатайству митрополита Алексия – Лужа и Боровск (см. приложение 1)? Возможно, конечно, что сначала Храброму были даны принадлежавшие Марии территории, а затем отобраны и взамен пожалованы Лужа и Боровск. Но когда это произошло? В тексте грамоты Владимир Андреевич явно указывает, что принадлежавшие Марии Александровне земли он хотел бы приобрести лишь после ее “живота” (“... а по ее животе Заячков мне”). Бывшая великая княгиня пережила Дмитрия Ивановича на 10 лет, скончавшись лишь в 1399 г.¹⁷⁷ В то же время из духовной грамоты Донского известно, что он свободно распоряжался владениями, которые пожизненно предназначались бывшей великой княгине не только завещанием Семена Гордого, но и отца Дмитрия Донского – великого князя Ивана Ивановича Красного¹⁷⁸. Таким образом, на основе имеющихся источников можно утверждать лишь то, что в период между 1371 и 1389 гг. интересующие нас волости перешли в полное владение Дмитрия Донского. О принадлежности их какое-либо ограниченное время Владимиру Андреевичу Серпуховскому говорить нет оснований.

Митрополит Алексий скончался в 1378 г., следовательно, пожалование, лишение владений и новое пожалование должны были состояться в промежуток между заключением договора между двоюродными братьями в 1371 г. и смертью митрополита Алексия. В эти годы отношения между молодыми князьями не были еще замутнены спорами, ссора, как нам кажется, нашла бы отражение в летописях. Но все же, такой ход событий был возможен, хотя доказательства в пользу того или иного мнения пока не найдены.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Зимин А.А. Указ соч. С. 283–285.

¹⁷⁵ ДДГ. № 7. С. 23–24.

¹⁷⁶ Там же. № 11. С. 30–33

¹⁷⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 137.

¹⁷⁸ Подробнее об этом см.: Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 106–183.

Названные в договоре Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым 1371 г. будущие ярославецкие волости хорошо локализируются на основании данных писцовых книг конца XVI – начала XVII в. Волость Гремичи находилась к северо-востоку от Малоярославца по правому берегу р. Протвы. Сушов – к северо-западу от Гордошевичей, в районе речки Сушки, впадающей в р. Бобровну, левый приток р. Лужи (о месторасположении Гордошевичей и Заячкова уже говорилось выше).

Договорная грамота великого князя московского с рязанским князем Олегом Ивановичем (1381 г.¹⁷⁹) окончательно закрепляет принадлежность Москве земель по левому берегу р. Оки.¹⁸⁰ Вероятно, грамота лишь констатирует устоявшееся положение, с которым рязанскому князю, наконец, пришлось смириться.¹⁸¹ В пользу этого говорит и тот факт, что полученные Владимиром Храбрым по ходатайству митрополита Алексия (то есть до 1378 г.) волости Луза и Боровск названы в договоре с Олегом рязанским среди земель, признававшихся отныне и навсегда московскими территориями – “бывшие места рязанские”. Московский великий князь в 1370-е гг. свободно распорядился прежними рязанскими волостями, вопрос о которых юридически был решен лишь в 1381 г.

В апреле-мае 1389 г. Дмитрий Донской духовным своим завещанием¹⁸² отдает названные “отъездными” волости Верею, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Сушов, Заберегу, с. Репеньское (территория нынешнего г. Обнинска, входившего в состав Ярославского уезда до 1770-х гг.) и “село Ивана Васильевича” (Вельяминова) в волости Гремичах сыну своему Андрею вместе с Можайскими волостями. За исключением Забереги, купленной у новосильского князя, все это, предположительно, бывшие рязанские земли¹⁸³. Термин “отъездные” позволяет предположить, что до конца столетия названные волости не были определенным образом включены в существовавшую в тот период административно-территориальную систему и оказались приписаны к Можайску, потому что он был самым близким из крупных населенных центров. Другие бывшие рязанские земли – Заячков и Холхол (а также Кропивна) были завещаны Дмитрием Ивановичем великой княгине Евдокии. Показательно, что ордынский выход с этих волостей княгиня должна была передавать сыну Андрею. Кроме того, Евдокия получила Вышегородские бортники, Кропивенские и Именьские, Гордошевские и Рудьские. Таким образом, в тот период уже складывались административные и хозяйственные связи всех названных волостей. Кстати, духовная Дмитрия Донского позволяет сделать некоторые наблюдения об освоенности и о степени хозяйственного развития части волостей будущего Ярославского уезда. Относительно волости Заячков такие наблюдения сделаны В.А. Кучкиным. С Заячкова княгиня Евдокия должна была передавать сыну Андрею в счет ордынского выхода по 22 руб. в год. По подсчетам В.А. Кучкина такая сумма могла означать, что в этой волости было 88 деревень и проживало приблизительно 176 семей.¹⁸⁴ Тогда 10 рублей, платившихся с Холхола, означают, что в нем проживало около 80 семей в 40 деревнях. Со всех остальных “отъездных” волостей выход собирали вместе, и он составлял 168 руб. Так что уточнить степень освоенности и населенности каждой из этих волостей не представляется возможным.

Еще об одной упомянутой в духовной грамоте Дмитрия Ивановича волости хотелось бы сказать особо. Среди владений великой княгини Евдокии названа купленная ею волость Лохно, по поводу локализации которой мнения историков расходятся. Ю.В. Готье соотносил ее с Лок-

¹⁷⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 286–287.

¹⁸⁰ ДДГ. № 10. С. 29–30.

¹⁸¹ Так же считает В.А. Кучкин. (См.: Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 252 и др.)

¹⁸² ДДГ. № 12. С. 33–37.

¹⁸³ Подробный разбор текста последней духовной грамоты Дмитрия Донского см.: Кучкин В.А. Последнее завещание... С. 136–161 и др.

¹⁸⁴ Кучкин В.А. Последнее завещание... С. 168.

нышским станом Рузского уезда (располагался в бассейнах рек Большой и Малой Сестры и по р. Локноше).¹⁸⁵ Однако С.З. Чернов, подробно исследовавший историю этого стана, так не считает.¹⁸⁶ С бóльшим основанием можно соотнести эту куплю Евдокии и с волостью Локной грамоты верейско-белозерского князя Михаила Андреевича (1483–86 гг.)¹⁸⁷, вошедшей вместе с другими принадлежавшими бывшей великой княгине землями (Заячковом и Холхолом) во владения его “в Ярославце”. Небольшая волость находилась южнее города Ярославца, по притоку р. Лужи – речке Локне (см. приложение 1).

Итак, в 1389 г. будущие центральные ярославецкие волости – Гордошевичи, Гремичи и Сушов, а также с. Репеньское – очевидно, центр будущей ярославецкой волости Репенской и “село Ивана Васильевича в Гремичах” в качестве “отъездных” волостей вошли в состав владений Андрея Дмитриевича Можайского. Другие ярославецкие земли – волости Заячков и Холхол (и Локна?) принадлежали великой княгине Евдокии. Их дальнейшую судьбу по документам проследить трудно. На долгие годы эти топонимы исчезают из поля зрения историков. Пожары и другие бедствия не пощадил документальные собрания древних властителей.

В духовной грамоте Владимира Андреевича Храброго (конец 1409 – начало 1410 г.)¹⁸⁸ подробно перечисляются владения серпуховского князя, тщательно разделенные им между пятью сыновьями и женой.¹⁸⁹ Именно эта грамота официально считается документом, впервые упоминающим название современного Малоярославца. В грамоте город назван, однако, “Ярославлем”. В данном виде это наименование города не встречается больше ни в одном документе.

Обратимся к тексту грамоты. Третьему сыну Ярославу (Афанасию) завещал князь Владимир Андреевич Храбрый “Ярославль с Хотунью”, Вихорну, Полянку, Ростунову слободку, Мошневскую слободку. Почти все принадлежавшие Ярославу владения хорошо локализируются (см. приложение 2). Хотунь располагалась в нижнем течении р. Лопасны, Ростунова слободка – к северу от Хотуни. К юго-востоку от Хотуни, по р. Вихоренке – Вихорна. Пожизненно из владений Ярослава княгине Елене Ольгердовне было отдано Долгое озеро, которое находилось в нижнем течении р. Лопасны, а также – с. Бовыкино, располагавшееся на той же реке, но гораздо выше по течению (см. приложение 2).¹⁹⁰ Во избежание конфликтов за земли между сыновьями Ярославом и Иваном, князь Владимир Андреевич подробно описал границу между принадлежавшей Ярославу Хотунью и серпуховскими волостями князя Ивана Владимировича. Подчеркнем, что ни одна будущая ярославецкая волость не входила в уделы наследников князя Владимира Андреевича Храброго, поскольку он ими не владел. На схеме в приложении 2 показаны владения жены Серпуховского князя Елены Ольгердовны и ее сыновей Ивана, Семена и Ярослава на территории Серпуховско-Боровского княжества. Локализованы не все топонимы, фигурирующие в духовной грамоте князя Владимира Андреевича, но общее представление об их взаимном расположении схема дает.

¹⁸⁵ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 400.

¹⁸⁶ Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в... С. 212.

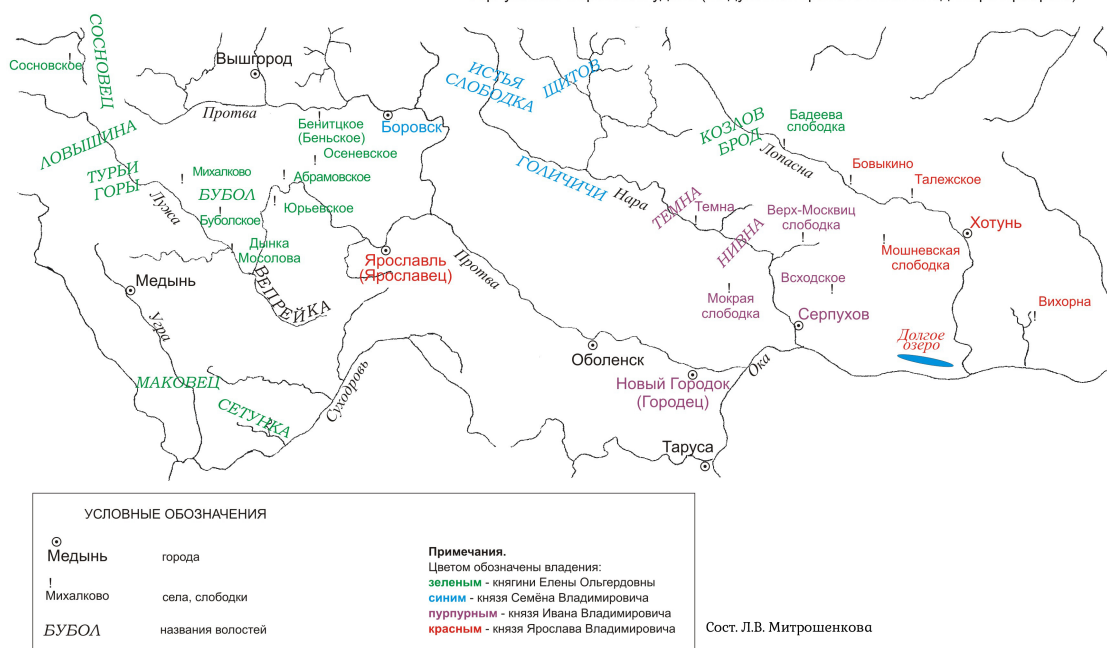
¹⁸⁷ ДДГ. № 80. С. 301–315.

¹⁸⁸ Каштанов С.М. К вопросу о первом упоминании и времени основания Малоярославца... С. 23–27.

¹⁸⁹ ДДГ. № 17. С. 46.

¹⁹⁰ Локализация Долгого озера и села Лопастенского на севере Московского княжества в книге А.А. Юшко (“Феодальное землевладение московской земли XIV в.” М., 2002. С. 18.) не понятна: в указанном месте владений Ярослава Владимировича не было.

Приложение 2
 Схема расположения владений наследников Владимира Андреевича Храброго в Серпуховско-Боровском уделе (по духовной грамоте князя Владимира Храброго)

После духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича сведений о ярославецких землях в документах долгое время не встречаем. В жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию (1467–1474 гг.)¹⁹¹ впервые появляется название города Ярославца (не Ярославля, как было в духовной грамоте князя Владимира Храброго). В данном случае уже не возникает сомнений в соответствии этого населенного пункта будущему Ярославцу Малому. Грамота дана жителям монастырской волости Илемны Верейского уезда на пользование великокняжескими лесами и на беспошлинный проезд с монастырскими возами в Ярославец и обратно. Волость Илемна находилась к северу от современного села Кременское, на полпути от него к городу Верее (см. приложение 1). Документ свидетельствует о сохранении исторически сложившихся хозяйственных связей между бывшими “отъездными” волостями, владениями Михаила Андреевича Верейско-Белозерского – Верей и Гордошевичами, на территории которых и находился город Ярославец.

Собственно Ярославецкий уезд впервые упоминается в духовной грамоте Михаила Андреевича Верейско-Белозерского.¹⁹² Этому документу, позволяющему охарактеризовать состав ярославецких территорий в конце XV в., посвящен следующий параграф. Здесь же мы только констатируем, что ко времени написания духовного завещания князем Михаилом Андреевичем (1483–1486 гг.) владения его “в Ярославце” являлись уже вполне оформившейся территориальной единицей, в свою очередь состоявшей из ряда волостей.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно схематично представить историю складывания территории Ярославецкого уезда ко второй половине XV в., когда он оказался во владении Михаила Андреевича верейско-белозерского, в следующем виде. Бывшие в XIII в. рязанскими, основные волости уезда – Гордошевичи, Гремичи, Сушов, Репенская, Уготская и волость Лохно (или Локна), Заячков и Холхол были присоединены растущим Московским княжеством в тяжелую для Рязани эпоху первой половины XIV столетия частично силой оружия, возможно, хитростью и путем заключения брачных уз между московским княжичем и рязанской княжной (либо наоборот – московской княжной и одним из рязанских князей).

¹⁹¹ АСЭИ. Т. 1. № 352. С. 258–259.

¹⁹² ДДГ. № 80. С. 301–315.

Постепенно территории волостей осваивались и включались в состав основных владений представителей московского дома. Процесс был долгим, и еще к концу XIV столетия большинство из них считались “отъездными” волостями и были приписаны к одному административному центру – Можайску. Часть этих земель вошла в состав владений Андрея Дмитриевича Можайского, а затем – его сына Михаила верейско-белозерского, другая часть принадлежала великой княгине Евдокии, от которой перешла также во владение Михаила Андреевича. Разумеется, эта наша схема не является бесспорной, но более надежно обосновать ее (так же, как и опровергнуть) пока не представляется возможным.

В любом случае, очевидно, что процесс формирования Ярославецкого уезда был довольно продолжительным. Территория его складывалась из отдельных волостей, находившихся во владении различных представителей московского княжеского дома. Уровень освоения и населенности их не мог быть одинаковым. И все же к концу XV в. это была цельная административно-территориальная единица, несмотря даже на то, что некоторые составные ее части находились немного в стороне от основной территории (см. приложение 4).

§ 2. Ярославецкий уезд по духовной грамоте Михаила Андреевича верейско-белозерского

Одним из важнейших документов, содержащих уникальные сведения о Ярославецком уезде в конце XV в., является духовная грамота верейско-белозерского князя Михаила Андреевича (1483–1486 гг.)¹⁹³. Ярославецкий уезд как таковой впервые упоминается именно в этом документе. До этого момента источники ничего не знают о существовании такой административной единицы на территории Московского княжества. Изучение истории написания духовной грамоты, текстологический анализ трех ее вариантов, дополненный сведениями некоторых других источников, позволяют получить интересную информацию об истории уезда, о составе и даже (хотя и совсем немного) о хозяйственном развитии земель, входивших в Ярославецкие владения князя Михаила Андреевича. Подробный источниковедческий анализ данной грамоты, впервые представляемый в данном исследовании, позволяет выявить сведения об истории города Ярославца и Ярославецких волостей в конце XV в.

Прежде чем разбирать текст грамоты, представляется необходимым сказать несколько слов о самом верейско-белозерском князе.

Михаил Андреевич – сын князя Андрея Дмитриевича Можайского, внук Дмитрия Донского. О дате его рождения сведений не сохранилось. Но, судя по тому, что отец его был 1382 г. рождения и женился в 1403 г., к моменту смерти родителя 1432 г. Михаил Андреевич, мог быть уже взрослым человеком.¹⁹⁴ Это подтверждают и договорные грамоты с великим князем, заключенные им и его старшим братом Иваном Андреевичем уже в 1434 г.¹⁹⁵ Принимавший участие в войне за великокняжеский престол между Василием II Васильевичем (“Темным”) и его дядей Юрием Дмитриевичем, а потом двоюродными братьями (Василием Юрьевичем Косым, Дмитрием Юрьевичем Шемякой и Дмитрием Юрьевичем Красным), князь Михаил Андреевич почти всегда держал сторону Василия Васильевича, лишь однажды (1434 г.) присягнув на верность князю Юрию Дмитриевичу (после его официального признания великим князем).¹⁹⁶ Несмотря на свои заслуги, к концу жизни князь верейско-белозерский был лишен возможности распоряжаться большей частью своего наследственного удела – частью Белозерского княжества и Верей с волостями.

История лишения князя Михаила Андреевича его владительных прав такова. Еще в 1462–1464 гг. великим князем Иваном Васильевичем подтверждено было право Михаила Андреевича на его наследственные земли. Иван Васильевич обязался “блюсти” под ним и под его детьми то, “чем тебя благословил отец твой Андреи Дмитриевич, по душевной грамоте отца своего, деда твоего, а моего прадеда великого князя Дмитрия Ивановича, в Москве и Вереею с волостями, и с отъезжими месты, и Белымозером с волостми, и что къ нему потягло изстарини, по душевной грамоте отца твоего, князя Андрея Дмитриевича, и что примысль отца твоего и твои, и что себе примыслишь...”¹⁹⁷ Через некоторое время между великим князем и верейско-белозерским были заключены еще два dokonчания. По уточненной А.А. Зиминим датировке, обе грамоты были написаны между 11 ноября 1464 г. и 12 сентября 1472 г.¹⁹⁸ Документ, помещенный под № 65 в ДДГ, признан и А.А. Зиминим более ранним. При этом ученый ссылается на помету на грамоте № 67, указывающую на внесенные по сравнению с

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 327–334.

¹⁹⁵ ДДГ. № 31. С. 81.

¹⁹⁶ ДДГ. № 32. С. 82.

¹⁹⁷ Там же. № 64. С. 208.

¹⁹⁸ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 278–279.

предыдущей грамотой изменения. Подтверждение этому факту легко обнаружить также в тексте самих документов: в грамоте № 65 речь идет о подтверждении Иваном III пожалования верейскому князю (данного великим князем Василием Васильевичем) Вышгорода с некоторыми другими землями¹⁹⁹, а из текста грамоты № 67 узнаем о том, что Михаил Андреевич “отступился сам Вышгорода” великому князю. При этом полученные им по завещанию отца (князя Андрея Дмитриевича) земли (Белоозеро, Верея “с волостями и отъезжими месты”), гарантированы были во владение Михаилу Андреевичу и его детям.²⁰⁰

Следующее dokonчание, заключенное 4 апреля 1482 г., вносило существенные изменения в права верейско-белозерского князя на его наследственные земли. Белоозеро со всеми волостями он обязывался “после живота” своего отдать великому князю. В то время как о других владениях сказано: “отчина твоя Верея и Ярославец держати нам под тобою по душевной грамоте отца твоего, князя Андрея Дмитриевича. И что твои примысль в Верее и въ Ярославце, или что вперед себе примыслишь...” То есть владения в Верее и Ярославце великий князь обещался оставить за Михаилом Андреевичем и его сыном Василием Удалым.

По мнению Л.В. Черепнина (которое кажется весьма обоснованным), изъятие Белоозера из владений верейского князя подготавливалось тщательно и загодя, о чем свидетельствуют пометы на оборотах прежних договорных грамот, судя по которым, dokonчания великих князей Василия Васильевича и Ивана Васильевича с Михаилом Андреевичем тщательно подбирались в великокняжеской канцелярии и изучались на предмет создания прецедента наделения владетельного князя московского дома правами лишь прекарного держателя пожалованных ему великим князем земель. Таким прекарным пожалованием был для Михаила Андреевича Вышгород, отобранный не позднее 12 сентября 1472 г.²⁰¹

Итак, довольно большая часть наследственного удела верейско-белозерского князя – Белоозеро со всеми волостями – оказалась фактически подконтрольной великому князю московскому. Наследник Михаила Андреевича князь Василий не имел права претендовать на возвращение ему бывшей отцовской вотчины: “А сыну твоему, князю Василью после твоего живота в Белоозеро у меня, у великого князя, и у моих детей не вступатися ничемъ, не подыскивати никоторю хитростию”²⁰².

Судя по некоторым данным, уже в 1482 году отвод земель Кирилло-Белозерскому монастырю осуществлялся великокняжескими наместниками²⁰³.

Договор 4 апреля 1482 г. примечателен еще и тем, что в этом документе среди наследственных владений Михаила верейского впервые встречаем наименование Ярославца. Прежде город (напомним, что официально первым упоминающим его документом считается духовная грамота Владимира Андреевича серпуховского, где говорится о “Ярославле с Хотунью”²⁰⁴) под названием Ярославец упомянут только в жалованной данной и тарханной грамоте великого князя Ивана Васильевича игумену Троицкого монастыря Спиридонию (1467–1474 гг.)²⁰⁵. Раньше среди наследственных владений Михаила Андреевича, так же, как среди владений его отца – Андрея Дмитриевича Можайского, Ярославец ни разу не упоминается. Этот факт может быть истолкован по-разному. Можно предположить, что город не принадлежал прежде Михаилу Андреевичу, и был получен им не по завещанию отца (как это можно думать исходя из текста договорной грамоты № 75, называющей Ярославец также как Верею и Белоозеро вотчиной верейского князя). В таком случае город перешел в состав Верейско-Белозерского княжества

¹⁹⁹ ДДГ. № 65. С. 212–214.

²⁰⁰ Там же. № 67. С. 218.

²⁰¹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы... С. 177–178.

²⁰² ДДГ. № 75. С. 279.

²⁰³ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л. 1951. С. 44.

²⁰⁴ ДДГ. № 17. С. 46.

²⁰⁵ АСЭИ. С. 258–259.

(уже включавшего в себя, по-видимому, большинство волостей и станов будущего Ярославского уезда²⁰⁶) между 1472 и 1482 гг. Необъяснимым остается упорное именование источниками Ярославца “отчиной” верейского князя. Время, когда Михаил Андреевич стал терять политическую власть, когда он без видимых к тому причин был лишен пожалованного великим князем Василием Васильевичем Вышгорода, вряд ли могло быть временем нового дара со стороны великого князя Ивана Васильевича. Факт такого пожалования не мог бы быть скрыт самим Иваном III, впоследствии отобравшим все владения верейского князя, но тщательно старавшегося подкрепить свои действия юридически.

Более обоснованным представляется предположение о том, что небольшая крепостца-городок была настолько мала, что не стоила до сих пор, по мнению и верейского, и великого князей, отдельного упоминания в документах. И только с той поры, когда Михаил Андреевич стал терять свои владения, городок начал приобретать какую-то значимость. Кроме того, князь Михаил был человеком хозяйственным. Возможно, его заботами и сам городок и “тянувшие” к нему территории в экономическом отношении достигли такого уровня развития, когда должны были уже управляться отдельными наместниками, а не управителями княжеского хозяйства в Верее. И потому именно в начале 1480-х гг. Ярославец появляется в документах и называется “отчиной” верейского князя, как и было на самом деле.

В 1483 г., менее чем через год после рассмотренного выше докончания, великий князь Иван Васильевич заключает с Михаилом Андреевичем верейским очередной договор, из которого узнаем, что последний уже “отступился” великому князю “после живота своего” не только от Белоозера, но и от Вереи, и от Ярославца.²⁰⁷

Следует отметить, что документ не позволяет определенно установить разницу в правах князя Михаила Андреевича на разные части своей бывшей “отчины”. О передаче владений верейского князя “после его живота” великому князю говорится в четырех разных статьях грамоты:

1) “... А чем благословил тебя отец твой князь Андреи Дмитриевич, по душевной грамоте отца своего, и твоего деда... в Москве, так же и вотчиною своею Ярославцем с волостями, и с путми, и съ селы, и съ всеми пошлинами, и ты после своего живота ту свою вотчину дал мне..., так же что наперед сего дал еси мне, великому князю, свою отчину Белоозеро... и грамоты еси свои на то мне дал... и что еси въ своеи отчине себе примыслил или что себе примыслишь, и что яз, князь велики, пожаловал тебя своею вотчиною Вереєю с волостми и с отъезжими месты, что взял есмь в своеи вине у твоего сына... до твоего живота. А мне, великому князю, и моему сыну, великому князю, и моим детям меньшим тое вси твоеи вотчины под тобою не хотети, и блюсти, и не обидети, и не вступатися, и мои братьи молодшеи...”

2) “...А Верея и Ярославец держати нам под тобою по душевной грамоте отца твоего князя Андрея Дмитриевича, до твоего живота...”

3) “...А отоимет бог тебя, моего брата молодшего, князя Михаила Андреевича, ино после твоего живота та вся вотчина, чем ты благословил отец твой, князь Андреи Дмитриевич, в Москве, и Ярославец со всем, и Белоозеро со всем, и что яз, князь велики, пожаловал тебя своею вотчиною Вереєю со всем, и та вотчина твоя вся после твоего живота мне, великому князю, со всем по тому, как было за тобою...”

4) Повторяется последняя формула, но к ней добавлено, что в случае, если “бог отоимет” великого князя Ивана Васильевича, – все аналогичные права на верейско-белозерские владения закрепляются за наследником великого князя.²⁰⁸

²⁰⁶ См. об этом подробнее: Митрошенкова Л.В. К истории формирования Малоярославецкого уезда (По духовным, договорным и жалованным грамотам князей московского дома XIV–XV вв.) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф. Москва, 18 – 19 апр. 2002 г. М., 2002. С. 330–333.

²⁰⁷ ДДГ. № 78. С. 293–295.

²⁰⁸ ДДГ. № 78. С. 294.

Выводы о различии в правах князя Михаила на все упомянутые земли на основании столь расплывчатых данных делать трудно, но понятно, что оно было. Можно предположить, что в Белоозере Михаил Андреевич уже утратил права распоряжения землями (о чем говорят, как нам кажется, упомянутые факты присутствия великокняжеских наместников на Белоозере в 1482 г.). Нечто подобное (если и не формально, то практически) произошло и с Вереей. Об этом также может свидетельствовать отсутствие каких-либо пожалований из верейских земель в духовной грамоте верейского князя. Следует отметить, что статус Вереи грамотой выделяется особо. Она несколько раз именуется “вотчиной” Ивана Васильевича, хотя одна из статей договора и признает, что владетельные права на нее Михаила Андреевича основаны на духовной грамоте его отца – князя Андрея Дмитриевича. Видимо, Вереей ранее этого момента уже владел сын Михаила Андреевича – Василий Удалой. После опалы последнего, вероятно, Верея и была взята великим князем себе. А затем уже вновь “пожалована” верейско-белозерскому князю “в держание” “до живота” его.

Переходя непосредственно к самой духовной грамоте верейско-белозерского князя, необходимо остановиться на ее датировке.

Исходя из навязанных верейскому князю условий будущего завещания А.А. Зимин предположил, что датировку рассматриваемой духовной можно датировать не 1486 г., как это сделал Л.В. Черепнин в ДДГ, но необходимо значительно расширить датировку и, возможно, отнести ближе ко времени заключения предшествующих договоров.²⁰⁹ Признавая более правильной расширенную датировку грамоты, предлагаем также принять во внимание и факт довольно длительной процедуры написания этого завещания. Черновым вариантом, составленным по указанию Михаила Андреевича (для краткости в дальнейшем будем называть этот вариант – № 1²¹⁰) был направлен на утверждение великому князю. В великокняжеской канцелярии его переписали (№ 2²¹¹) и отправили обратно Михаилу Андреевичу, где дьяк удельного князя еще раз его переписал (№ 3²¹²). И потом, видимо, грамоту вновь отослали великому князю, а также – поставившему на обороте свою подпись митрополиту Геронтию. С другой стороны, в начальном протоколе грамоты № 1 отсутствуют указания на состояние здоровья завещателя. Отсутствие выражения “при своем животе”, как доказал С.М. Каштанов²¹³, говорит о том, что грамота не была написана во время тяжелой болезни завещателя. Но в первоначальном варианте нет указаний и на доброе здравие князя. Это могло быть обусловлено преклонными годами Михаила Андреевича, когда, несмотря на отсутствие тяжелой болезни, кончина его близилась. Однако во втором, великокняжеском варианте появляется формула: “... пишу сию грамоту духовную при своем животе, в своем смысле и в своем разуме...”²¹⁴ Говорит ли это о том, что верейский князь не знал о существовании такого правила, или специально, по какой-то иной причине не внес слова “при своем животе” в текст начального протокола грамоты, а осведомленный о его болезни великий князь приказал их вписать? Как правило, духовные грамоты свято сохранялись и передавались в княжеских семьях из поколения в поколение со всей казной. Но неосведомленность в правилах написания завещания, проявленная Михаилом Андреевичем, говорит скорее об отсутствии у него к тому времени духовной грамоты отца – Андрея Дмитриевича Можайского.²¹⁵ Такое предположение кажется еще более обоснованным при дальнейшем чтении грамоты, во многих других случаях отступающей от установившихся

²⁰⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 318.

²¹⁰ ДДГ. № 80а. С. 301–305.

²¹¹ Там же. № 80б. С. 305–308.

²¹² ДДГ. № 80в. С. 308–311.

²¹³ Каштанов С.М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV–начала XVI в... С. 246.

²¹⁴ ДДГ. № 80б. С. 305.

²¹⁵ Однако, духовная Андрея Дмитриевича хранилась в архиве Посольского приказа еще в начале XVII в. (ДДГ. Приложение I. С. 448). Следует ли из этого, что в конце XV в. она существовала, но находилась уже в московской казне?

канонов. Иные предположения о причинах отсутствия формулы о здоровье князя Михаила в начальном протоколе его духовной грамоты возможны, но были бы слишком умозрительными.

Как бы то ни было, с наличием формулы “при своем животе” в официально утвержденном документе приходится считаться. Однако это не говорит о том, что грамота писалась незадолго до кончины, поскольку, напомним, князь был весьма преклонных лет.

С.М. Каштанов справедливо отметил, что в удельнокняжеских канцеляриях формуляры духовных были мало разработаны.²¹⁶ Единственно, чем удостоверялась подлинность акта – княжеской печатью. Приложение восковой прикладной печати вместо вислой свидетельствовало, по мнению С.М. Каштанова, о понижении социально-политического статуса удельных князей во второй половине XV в. Писал грамоту под диктовку князя Михаила Андреевича и затем переписывал великокняжеский вариант княжеский дьяк Неклюд, что подтверждает вывод С.М. Каштанова о том, что во главе княжеского делопроизводства во второй половине XV в. стояли церковники, часто совмещавшие функции духовника и печатника.²¹⁷

Несмотря на то, что почти все особенности формуляра грамоты рассмотрены в указанной статье С.М. Каштанова, в данной работе совсем обойтись без характеристики формы столь важного для нас документа нельзя.

Прежде всего, необходимо еще раз обратить внимание на существование трех вариантов документа. Первые два варианта сохранились в списках конца XV в., белой экземпляр дошел в подлиннике, у которого, однако, утрачены прилагавшиеся к нему две печати. Сохранность всех трех списков вызывает интерес и наводит на мысль о том, что для великого князя Ивана Васильевича имело определенное значение хранение не только официального текста, но и его черновиков. Значение это заключалось в желании иметь твердое подтверждение законности своих действий в отношении полученных от верейского князя земель и подтверждение свободной воли завещателя, отдавшего свои владения великому князю без принуждения. В особенности это было важно, когда великий князь решил по-своему распорядиться селами и деревнями, завещанными верейским князем московским церквям и монастырям. Такой вариант в духовной грамоте предусматривался: если великий князь захотел бы получить эти населенные пункты, он только должен был заплатить храму за них определенную сумму.

При переписывании великокняжеского варианта (№ 2) дьяком верейского князя (№ 3) изменений в текст грамоты внесено почти не было (кроме того, что имя писца оставлено в первоначальной редакции: подпись под первым черновым вариантом и под утвержденным гласит, что грамоту писал “дьячишко мое постельное Неклюдец”, тогда как в великокняжеской канцелярии предлагали именовать его “дьяком” и полным именем “Неклюд”). Можно согласиться с выводом С.М. Каштанова о том, что при создании белого экземпляра документа имело место “более или менее механическое повторение”.²¹⁸ Правда, это “повторение” имело место уже после того, как исправленный вариант был внимательно прочитан верейским князем. Так думать позволяет одна фраза, появившаяся в третьем варианте духовной грамоты. Ее не было не только во втором, но и в первом вариантах. После статьи об отпуске на волю холопов, в грамоте написано: “Да чтобы господинь мои, князь велики, пожаловал, после моего живота судов моих не посудил”²¹⁹. Вероятно, Михаил Андреевич был не особенно доволен внесенными по указанию великого князя изменениями, но спорить не мог, и единственное, что позволил себе, – внес в текст вышеуказанную фразу. Вероятно, это была со стороны верейского князя еще одна попытка обеспечить соблюдение своей воли.

²¹⁶ Каштанов С.М. О написании и удостоверении княжеских актов // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. в честь Натальи Федоровны Демидовой. М.–Новосибирск, 2000. С. 29.

²¹⁷ Там же. С. 33.

²¹⁸ Каштанов С.М. О написании и удостоверении... С. 33.

²¹⁹ ДДГ. № 80в. С. 310.

Сравнительный анализ первого и второго вариантов духовной представляется необходимым как для лучшего понимания целей великого князя и механизма присоединения ярославской части удельного верейско-белозерского княжества к Москве, так и для лучшего представления о составе земель этого владения Михаила Андреевича и формировании территории будущего Ярославского уезда.

Какие же изменения были внесены в вариант № 1 в великокняжеской канцелярии?

1. Прежде всего, как уже отмечалось, был изменен начальный протокол грамоты, а именно:

а) в текст внесены слова: “при своем животе” (о чем говорилось выше);

б) расширена инвокация (что отмечено С.М. Каштановым²²⁰), введен вариант, впервые встречающийся в духовной великой княгини Софьи Витовтовны, и с тех пор использовавшийся во всех духовных великих князей: вместо “Во имя Отца и Сына с Святаго Духа” в № 1 – “Во имя Святыя и Живоначальныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа” в № 2;

в) усилена формула, говорящая об умственном здоровье князя. В документе № 1: “пишу сию грамоту духовную своим целым умом”; в № 2: “в своем смысле и в своем разуме”. Как показал Г.В. Семенченко, в данной части протокола духовных грамот конца XV – начала XVI в. прослеживается влияние группы статей “Закона судного людем”, недвусмысленно указывающего на психическую полноценность завещателя как на необходимое условие законности его распоряжений²²¹. В нашем случае формальное исправление протокола также еще раз свидетельствует о значении, придаваемом великим князем полной законности завещания.

Трудно сказать, было ли на руках у Михаила Андреевича в момент написания духовной завещание его отца. Многие наводит на мысль, что нет. Но, во всяком случае, князь был знаком с нормами составления подобных документов, о чем свидетельствует состав начального протокола грамоты. Инвокация и интитуляция духовной верейского князя соответствуют таковым же элементам духовной его деда – московского великого князя Дмитрия Донского. В завещании верейского отсутствуют лишь слова: “Даю ряд сыном своим и своей княгине”²²², что вполне понятно: Михаил Андреевич никому “ряда” не давал, все владения передавал великому князю.

2. Изменен порядок расположения материала. Будучи весьма набожным человеком, Михаил Андреевич начинал свою духовную с перечисления отдаваемых им великому князю драгоценных для него реликвий – чудотворной иконы и богато украшенных церковных риз. Затем перечислялись волости, и уж потом – передаваемое великому князю движимое имущество. Лишь после этого следовало перечисление владений, завещаемых им дочери, монастырям, церквям и слугам. Определенная логика в таком расположении материала четко прослеживается. Прежде всего принималась во внимание значимость субъекта пожалования лично для верейского князя, затем учитывалось значение пожалования с точки зрения его не только материальной, но и духовной ценности. Но существовал уже сложившийся формуляр, и в великокняжеской канцелярии все передаваемое по духовной имуществу расположили строго по установленному порядку, вынеся на первое место имевшие государственное значение статьи о передаче московскому князю земельных владений Михаила Андреевича. Затем были перечислены земли, передаваемые монастырям и церквям “на помин души”. После них – села, деревни и пустоши, отданные слугам князя в пожалование и “в куплю”. И лишь в самом конце – движимое имущество.

3. В отличие от первоначальной редакции, где Белоозеро, Верей и Ярославль равно названы “отчиной” Михаила Андреевича, московская редакция подчеркивает различие правовых оснований этих владений для самого верейского князя и различие оснований для их

²²⁰ Каштанов С.М. О написании и удостоверении... С. 34.

²²¹ Семенченко Г.В. Духовные грамоты XIV–XV вв. как исторический источник. Дис... канд. ист. наук. М., 1983. С. 46.

²²² ДДГ. № 12. С. 33.

перехода великому князю. На первое место вынесено Белоозеро, статус которого уточнен. В грамоте № 2 подчеркнута, что Белоозеро передано было еще при жизни верейского князя. Как считал Л.В. Черепнин, Михаил Андреевич после 1482 г. сохранял на Белоозеро права лишь прекарного характера²²³. Подробно перечисленные в грамоте прикупы князя Михаила в Белоозере, сделанные уже после этой даты, в варианте № 2 заменены общей формулой: “дал есми ту свою отчину Белоозеро своему господину и осподарю, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси при своем животе, и с волостями, и с путми, и с селы, и слободки, и со всем, что к Белоозеру изстарины потягло, и съ своими прикупы, и со всеми пошлинами, как было за мною”²²⁴. В отношении неопределенности характера прав верейского князя на белоозерские земли после 1482 г., можно также заметить, что согласно последующим договорам между великим и верейским князьями существовали грамоты, данные Михаилом Андреевичем Ивану III на эти владения. Грамоты не сохранились, что весьма подозрительно выглядит на фоне прекрасно уцелевших трех вариантов духовной.

4. Изменен порядок перечисления остальных земельных владений, передаваемых великому князю: вместо Верей (стоявшей в № 1 в самом начале) первым теперь назван “жеребей” в Москве, причем, расписанный значительно более подробно, чем в № 1. Затем названы Ярославец, двор в Москве, а уж после этого – Верея. Очевидно, великому князю было особенно важно подробно зафиксировать получаемые им владения в Москве. Также очевидно, что статус Верей, взятой им “в своей вине” у князя Василия Михайловича Удалого и переданной затем в держание его отцу, отличался от статуса прочих владений Михаила Андреевича, что и следовало особо подчеркнуть. Определенно указано, что это было временное пожалование, хотя и являлось “вотчиной” верейского князя. Двойственность положения этой части весьма различного по составу верейско-белозерского княжества проявляется и в том, что Верея названа “вотчиной” не только Михаила Андреевича, но и великого князя: “. . .ино после моего живота та вотчина господина моего, великого князя, Верея со всем его и есть”. Великий князь, таким образом, не отрицает наличие права наследственного владения ею у верейско-белозерского князя, но утверждает свое право отбирать вотчины, а затем жаловать в качестве уже прекарного владения любому, кому посчитает нужным. Видим здесь явное использование термина “вотчина” не только как указание на способ получения владения, но и на его юридический статус.

Возникает вопрос: возвращение Верей в руки Михаила Андреевича “до живота” было актом простого доброжелательства? Или определенную роль сыграло понимание хозяйственной целесообразности: отдать прежнему хозяину лучше, чем дать новому, не знающему всех нюансов хозяйственной жизни региона? Кроме того, могли иметь значение и иные соображения: при жизни наследственно владевшего этими землями князя, ничем не провинившегося перед великим князем московским, незачем было отдавать их кому-нибудь еще? К сожалению, поставив все эти вопросы, нужно признать, что достаточными данными для ответов на них мы не обладаем.

Порядок перечисления принадлежавших князю Михаилу Андреевичу волостей в рассматриваемых вариантах грамоты показывает, что Белоозеру отдавалось предпочтение, хотя оно было отобрано ранее других. Но это была самая крупная, развитая хозяйственно, хорошо освоенная часть владения. Второй по значению среди своих владений князь считал Верею, третьим – Ярославец. Возможно, впервые упомянутый в этом документе “Ярославецкий уезд” – совсем недавно образовавшаяся административно-территориальная единица. Лишившись Белозерской части своих владений, отдав сыну Верею, Михаил Андреевич единственным местом своего пребывания мог избрать лишь Ярославец, после чего крохотный городок стал

²²³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы... С. 177–178.

²²⁴ ДДГ. № 806. С. 305–306.

центром уже фактически несамостоятельного, хотя формально еще удельного владения. По сравнению с бывшими владениями князя, территория уезда была ничтожной.

5. В грамоте № 1 говорится, что Белоозеро, Верей и Ярославль передаются великому князю “с волостми, и с селы, и слободами и со всеми пошлинами, опрочь тех, которые есми дал по своей души, и которыми пустошми кого буду пожаловал, дал в куплю”. В великокняжеской грамоте последнего замечания об исключении некоторых “пустошей” из владений великого князя нет. Напротив, появляется противоположное утверждение: “...и яз благословил, дал есми ту свою вотчину всю, после своего живота, своему же господину, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси”.

6. В грамоте № 2 изменен порядок перечисления монастырей, получавших от верейского князя “на помин души” села и деревни. В начало вынесены Кириллов и Мартемьянов монастыри на Белоозере, указанные у верейского князя в конце. Л.В. Черепнин считал, что это связано с желанием великого князя подчеркнуть подчиненность белозерского князя, убрав с первого места в документе безусловно первый в Москве по роли и значению Троицкий монастырь, богатые пожалования в который часто делали члены великокняжеской семьи.²²⁵ Верейский князь это значение Троицкой обители понимал, почему и указал ее первой, а затем уже перечислил московские монастыри и храмы, Пафнутьев Боровский монастырь и ярославецкие церкви. Распоряжения, касающиеся пожалований в Кириллов Белозерский и Мартемьянов монастыри, помещены в варианте № 1 в самом конце и носят очень подробный характер, решительно измененный, формализованный в варианте № 2. Нам представляется убедительным данное Черепнинным объяснение выноса на первое место белозерских монастырей. Однако здесь могла иметь место и прослеживаемая по всему документу тенденция к формализации текста. Она проявилась и в строгом соблюдении принятой в начале последовательности упоминания территорий: Белоозеро, Москва, Верей, Ярославль.

7. Значительно сокращены в грамоте № 2 и опять-таки “формализованы” статьи о передаче сел, деревень и пустошей “по душе” князя и его родственников. В грамоте № 1 каждый раз последовательно перечисляются лица, по чьей душе делает князь вклад: “по своему отцу, и по своей матери, и по своей души, и по своей княгине, и по своем сыне Иване”. В варианте № 2 в самом начале присутствует фраза: “А на поминок по своем роду и по своей душе...”, после которой перечислены все пожалования на той или иной территории. Для верейского князя было важно указать в прямой последовательности, кого поминать с получаемых монастырем или храмом доходов. Для великого князя это абсолютно не имело значения. По его мнению, очевидно, достаточно было указать целиком – “по своем роду”.

Все указания на денежные компенсации, выплачиваемые в случае, если пожалованные владения “будут надобе” великому князю, отнесены в конец разделенных по территориальному признаку статей.

8. Согласно грамоте № 1 Михаил Андреевич завещал своей дочери Анастасии (жене князя Иосифа, предположительно – Дорогобужского) села Офонасьевское и Костинское в Ярославском уезде. В случае же, если села понадобятся великому князю, то “господин мои, князь велики, дасть моеи дочери, княгине Настасье, в тех земель место, свои земли”, – говорится в грамоте. Вместо этого в № 2 княгине предназначалось только 300 руб. денег и никаких земельных пожалований. Села Офонасьевское и Костинское в тексте № 2 не фигурируют.

Упоминание этих сел в грамоте № 1 и его отсутствие в № 2, позволяет предположить, что верейский князь, видимо, хотел обеспечить свою дочь земельными владениями, располагавшимися неподалеку от города Ярославца, небольшого, но все же имевшего некоторое хозяйственное значение. Небольшие по размеру, затерянные в лесах волости этого уезда, вероятно, были не слишком развиты, а территории их не до конца освоены. Поэтому дочери и хотелось

²²⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы... С. 178.

отдать земли получше, а именно те из них, которые располагались ближе к центру уезда. Кроме того, село Офонасьевское располагалось “в Локне”. Если согласиться с предположением (см. § 1) о том, что “Локна” духовной Михаила Андреевича соответствует волости “Лохно” духовной Дмитрия Донского (принадлежавшей жене его Евдокии), то получается, что дочери передавал верейский князь часть земель, бывших некогда владением княгини. Возможно ли здесь предположить попытку продолжения древней традиции передачи отдельных волостей по женской линии? Как бы то ни было, но в данном случае еще одна древняя традиция, идущая еще со времен Ивана Калиты – о наделении княжеских дочерей земельными владениями – была нарушена великим князем. Правда, дочь князя Михаила была уже замужем, а в приданое земель московские князья не давали. С другой стороны, ее муж был, вероятно, служебным князем, т.е. земли из Московского княжества после передачи их Анастасии не уходили. Но все же Ивану III важно было сохранить удел в целом и, возможно, – уничтожить всякую память о существовании владетельных прав на него верейского князя.

9. Изменены и значительно усилены в сторону подчеркнута большого доверия к великому князю заключительные статьи грамоты. А именно:

а) появилась новая статья: “А опрочь того, что ни останется после моего живота моеи казны, и то все господинъ мой, князь велики, роздасть по моеи души”. Можно предположить, что великий князь таким образом позаботился, чтобы не было недоразумений в установлении владельца имущества, возможно, забытого верейским князем;

б) значительно усилена статья, называющая Ивана III душеприказчиком верейского князя. Вместо: “А приказываю душу своему господину и осподарю, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси” написано: “А приказываю душу свою помянути, и долг заплатити, и все розправити по своем животе своему господину и осподарю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, положил есми о всем на бозе да на нем, на своем господине”;

в) появилась новая статья: “А где ми что долгу дати, ино тому список за своею печатью и за подписью дьяка моего”. Такой список и в самом деле к грамоте был приложен и сохранился.²²⁶

К сожалению, не сохранился другой список, также упоминаемый в духовной, причем во всех трех ее вариантах. Это список вещей, передаваемых верейским князем сыну Василию (находившемуся уже несколько лет в изгнании). Согласно духовной, в то время, когда Василий и его жена еще находились при своем отце, он “подавал” им некие вещи, которые теперь хотел им же и вернуть. Несмотря на такую оговорку, вряд ли опальный Василий Михайлович мог что-либо получить из отцовского наследства.

В заключение разбора формуляра духовной грамоты князя Михаила Андреевича верейского, необходимо упомянуть несохранившиеся до наших дней две печати, которыми был заверен последний, третий ее вариант. Вероятно, это были печати самого верейского князя: черновосковая, прикладная с изображением женщины с мечом (как и сохранившиеся в прикладных к духовной грамоте списках), и митрополита Геронтия, подписавшего утвержденный третий экземпляр духовной. Наличие подписи и, вероятно, печати митрополита Геронтия на официальном завещании удельного верейского князя можно было бы также расценить как исключение из правил: не известно ни одной другой духовной грамоты удельного князя, утвержденной митрополитом. Однако в одной из работ С.М. Каштанова показано, что отсутствие печатей и подписей митрополитов на сохранившихся духовных удельных князей может объясняться отсутствием в этот момент митрополитов в Москве.²²⁷

Таким образом, рассмотрев формуляр духовной грамоты верейско-белозерского князя и выявив внесенные в него великокняжеской канцелярией изменения, мы убедились, сколь боль-

²²⁶ ДДГ. № 80г. С. 311–312.

²²⁷ Каштанов С.М. К вопросу о первом упоминании и времени основания Малоярославца... С. 23–27.

шое значение (хотя и совершенно различное содержательно) придавалось этому документу как завещателем, так и самим великим князем. Иван III, очевидно, видел в нем политический акт, согласно которому в его руки переходили юридически до сих пор самостоятельные владения одной из боковых ветвей московского княжеского дома. Об этом свидетельствуют многочисленные изменения, внесенные в великокняжеской канцелярии в этот документ. Сам же Михаил Андреевич просто диктовал свою последнюю волю, пытался наилучшим образом, подробно и тщательно распорядиться оставшимся у него к концу жизни имуществом. Смирившись с тем, что “удела” его как такового больше не существует, что сын в изгнании, а других наследников кроме великого князя нет, он все же проявляет свободную волю в распоряжении остатками власти.

Итак, что же представлял собой Ярославский уезд в конце XV в., каковы были его границы, и какие волости в него входили?

В настоящее время почти все упомянутые в духовной грамоте Верейского князя объекты удалось локализовать и нанести на карту-схему (см. приложение 3) с указанием градаций: село (сельцо), починок, деревня, пустошь. Работа проводилась на основе сопоставления топонимов грамоты с материалами писцового дела конца XVI – начала XVII вв. и картографическими источниками более позднего времени – планами и картами Ярославского и Боровского уездов, составленными при проведении Генерального межевания. При этом использовались как карты целых уездов, так и более точные и подробные карты волостей и станов, а также планы некоторых отдельных землевладений. Такая методика позволила более точно определить месторасположение объектов, исчезнувших к настоящему времени. Более того, благодаря привлечению планов отдельных земельных наделов, удалось локализовать некоторые деревни и села, ставшие пустошами уже ко времени составления межевых карт: например, сельцо Якимовское и Кукеповское, а также принадлежавшие городским ярославским храмам деревни Шубинскую, Усовскую, Романьсково, Пронцевскую, Тураевскую, Костинскую и др.

В качестве основного текста при описании территории уезда мы будем использовать вариант грамоты № 1, как содержащий более полные и подробные сведения о владениях князя, многие из которых в официальном тексте были опущены. Далее мы перечислим все упоминаемые в духовной грамоте Михаила Андреевича верейские топонимы, определим их местонахождение по писцовым книгам более позднего времени и картам XVIII в., укажем на происходившие изменения названий (что покажет путь, которым была проведена локализация объектов). В некоторых случаях названия сел и деревень не менялись со временем, и локализация их

затруднений не вызвала. Такие объекты приводятся без пояснений вышеназванного харак-

Схема располо Белозерского “

Все это позволяет определить с возможной степенью точности границы Ярославецкого уезда в конце XV в. и установить, какие известные по более ранним или более поздним источникам волости и станы входили в его состав. Итак, на упомянутую карту-схему (приложение 3) нанесены следующие объекты, названные в духовной грамоте верейско-белозерского князя Михаила Андреевича (номера топонимов ниже в тексте соответствуют номерам на карте-схеме):

1. Офонасьевское сельцо в Локне (в конце XVI столетия сельцо Офонасьевское стало просто “деревней Офонасово, Селино тож”, входившей в Суходровскую волость²²⁸).

2. Сельцо Костинское (в конце XVI в. – “деревня, что было сельцо Костинское, а под ней прудишко” – в волости Гордошевичи²²⁹).

Оба сельца предназначались дочери верейского князя Анастасии, но не были отданы ей. Напомним, что вместо них княгиня должна была получить 300 руб. Это кажется для того времени значительной суммой.²³⁰ Показательно сравнение со стоимостью подобных пожалований “по своей душе” Ивана Борисовича Рузского (1503 г.): в Кирилов и в Мартемьянов монастырь давал князь по 10 руб., в Рузские храмы – деревни и слободы стоимостью по 5 руб.²³¹

3. Село Ивановское “з деревнями” “въ Ярославце” предназначалось Троицкому Сергиеву монастырю. Компенсация за него должна была составить 80 руб.

В духовной грамоте Дмитрия Донского упоминается некое “село Ивановское Васильевича в Гремичах”.²³² Возможно, это то же село, которое названо в духовной грамоте верейского князя “в Ярославце”. Волость Гремичи располагается вблизи города Ярославца, к северо-востоку от него. По писцовой книге уезда Ярославца Малого 1587/1588–1591/92 гг. известны два села Ивановских – одно (“Львовское тож”) в Прудцовской волости²³³ (вероятно, выделенной из Гремичей и Суцова) и “село Скрыпорово Ивановское тож” Окологородного стана²³⁴ (образовавшегося, по всей видимости, путем выделения части земель из волостей Гордошевичей и Гремичей). Оно и представляется, исходя из его расположения на местности (высокий берег реки, близость к городу, хорошие дороги, наличие пашни, сенокосов и леса вокруг), более подходящим для отождествления с указанным в грамоте верейского князя. Положение другого села не так удачно: от реки оно удалено, также как от города. Тождество Ивановского села грамоты верейского князя селу “Ивановского Васильевича в Гремичах” духовной грамоты Дмитрия Донского доказать пока не удастся. Возможно, это совершенно разные объекты. Предполагать их соответствие позволяет лишь сходство названий, ранние упоминания, понимание продолжительности и трудоемкости процесса освоения земель вокруг города. А также – предположение о богатстве и разработанности земель, принадлежавших в конце XIV в. Ивану Васильевичу Вельяминову, и тех, что в конце XV в. завещались Троицкому монастырю.

4. Село Якимовское передавалось московскому храму Михаила Архангела, и стоило, по мнению Михаила Андреевича, 100 руб. Месторасположение “пустоши что была деревня Якимова” удалось установить приблизительно лишь по межевым книгам 1685–1686 гг.²³⁵ Оно находилось в Гордошевской волости.²³⁶

²²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 445.

²²⁹ Там же. Л. 664 об.

²³⁰ Суждение подтверждается сравнением с ценами на разные товары. По данным А.М. Колызина, цена одного холопа в конце XV – начале XVI в. составляла 2 рубля (160 г серебра), конь стоил 3 руб., “кафтан куней” – 4 руб., “шуба кунья” – 2 руб., “шуба белья” – 20 алтын, шлем – 20 алтын, кольчуга – 70 алтын, “серьги яхонты” – 10 руб. (См.: Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 54, 57.)

²³¹ ДДГ. № 88. С. 351–353.

²³² Там же. № 12. С. 34.

²³³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 359.

²³⁴ Там же. Д. 547. Л. 17.

²³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 248. Л. 236.

5. Село Татаренки “в Заечкове” предназначалось “Пречистой к соборной церкви на Москве” (компенсация – 60 руб.). Входило в XVI–XVII вв. в Заечковский стан.²³⁷ Так же, как и все остальные известные по духовной верейского князя населенные пункты в Заячкове, село сохранилось до настоящего времени.

6. Село Богоявленское – к “Пречистой на Симаново в монастырь” (50 руб.). Расположение села не указано, но оно находится также в Заячкове, что известно и по приложенной к духовной грамоте отдельной данной на это село²³⁸, и по писцовым книгам²³⁹ (другого Богоявленского в Ярославском уезде не было).

7. Село Тарутинское – женскому Вознесенскому монастырю в Москве (50 руб.). Знаменитое село, прославившееся далеко за пределами России в 1812 году. Входило в Заечковский стан.²⁴⁰ Сохранилось до наших дней.

8. Деревня Нижнее – Свято-Алексеевскому женскому монастырю (20 руб.). Также входило в Заечковский стан²⁴¹ и сохранилось до сих пор.

9. Сельцо Кукеповское – Боровскому Пафнутьеву монастырю. В писцовой книге 1587/88–1591/92 гг. упоминается как “сельцо Кутепово” или “Кутеповское” в Гордошевской волости.²⁴²

Судя по всему, московские храмы (в частности, Архангельский собор и Успенский) получили вместо предназначавшихся им сел денежные компенсации, либо пожалования были у них тут же отобраны.²⁴³ Но, во всяком случае, в утвержденном варианте духовной грамоты предусматривается либо передача монастырям и соборам сел, либо выплата им денежной компенсации.

Далее в грамоте следуют пожалования Ярославским храмам. В XVI–XVII вв. все владения городских ярославских церквей находились с Гордошевской волости.²⁴⁴

10. Верейский князь завещал деревню Шубинскую Архангельскому собору в Ярославле. Деревня Шубинская в конце XVI в. стала “пустошью, что было селище Погорелое, что было селцо Шубино за архангельским протопопом с братьею”²⁴⁵. Пустошь после исчезновения Архангельского собора принадлежала городской Спасской церкви. Позднее ее передали Николаевскому монастырю, и в первой половине XVIII в. она была заселена монастырскими крестьянами.²⁴⁶ Ставшая снова деревней, Шубинка локализуется по Генеральному плану Малоярославецкого уезда конца XVIII в.²⁴⁷

11. Архангельскому ярославскому собору также отдавалась деревня Костинская, ставшая “пустошью Шадуевской, Костино тож” в XVI в.²⁴⁸ и переданная затем Успенской церкви. Локализуется по картам екатерининского межевания.²⁴⁹

²³⁶ Там же. Д. 539. Л. 700 об.

²³⁷ Там же. Л. 256 об.

²³⁸ ДДГ. № 80к. С. 315.

²³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 163 об.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 109.

²⁴¹ Там же. Л. 115 об.

²⁴² Там же. Л. 692 об.

²⁴³ См.: АРГ. С. 24, 51.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 647–735.

²⁴⁵ Там же. Л. 714 об.

²⁴⁶ См. об этом: И[еромонах] Л[еоид]. Указ. соч. М., 1903. С. 45.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1420.

²⁴⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 713.

²⁴⁹ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1420.

12. Никольской церкви досталась деревня Романьсково. Место деревни, ставшей “пустошью Раменской” в XVII в.²⁵⁰, известно по межевым картам XVIII в.²⁵¹

13. Церкви Спаса Перображения принадлежала деревня Тураевская.²⁵² Место пустоши известно также по межевым картам XVIII в.²⁵³

14. Егорьевскому храму досталась деревня Приньчаковская. В XVI в. такой деревни нет, но Егорьевскому храму в Ярославце на посаде принадлежала “пустошь, что было селище Пронцевское”²⁵⁴

²⁵⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 248. Л. 354.

²⁵¹ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1420.

²⁵² Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 714

²⁵³ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1420.

²⁵⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539. Л. 713 об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.